

18+

ИГРА В ИДЕАЛЫ ВОСКРЕШЕНИЕ

МАРИНА ШАПОВАЛОВА

Марина Шаповалова

**Игра в идеалы.
Воскрешение. Том II**

«Издательские решения»

Шаповалова М.

Игра в идеалы. Воскрешение. Том II / М. Шаповалова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-696007-7

Во второй части трилогии тени прошлого возрождаются, проверяя героиню на прочность. Страсть, дружба, долг и любовь сливаются воедино, а каждое решение становится критическим. Теперь выбор Даманы влияет не только на её судьбу, но и на будущее всех близких. Испытания становятся серьезнее, а цена ошибок — выше. Сможет ли она обрести себя, не потеряв счастье?

ISBN 978-5-00-696007-7

© Шаповалова М.
© Издательские решения

Содержание

Игра в идеалы.	6
Том II	6
10 июля 1774 года. Вторник	8
13 июля 1774 года. Пятница	9
16 июля 1774 года. Понедельник	10
17 июля 1774 года. Вторник	12
4 ноября 1774 года. Суббота	15
5 ноября 1774 года. Воскресенье	19
6 ноября 1774 года. Понедельник	28
Вне времени	30
1 декабря 1774 года. Пятница	31
3 декабря 1774 года. Воскресенье	33
7 декабря 1774 года. Четверг	34
8 декабря 1774 года. Пятница	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Игра в идеалы. Воскрешение Том II

Марина Шаповалова

© Марина Шаповалова, 2026

ISBN 978-5-0069-6007-7 (т. 2)

ISBN 978-5-0069-4769-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Игра в идеалы. Воскрешение

Том II

1 июля 1774 года. Воскресенье.

Мне двадцать лет.

Прекрасное время года — лето.

— Скучаешь? — спросила я, опустившись на колени и обняв Карла за плечи. Он сидел на крыльце, дожидаясь, пока я проснусь. Не ожидал, что кто-то подойдет сзади, отчего немного вздрогнул, но потом блаженно улыбнулся.

— С добрым утром... — слегка меланхолично проговорил Карл, глядя перед собой. Это показалось мне странным.

— Что с тобой, милый?

— Со мной? — удивился Карл. — Все прекрасно.

Забавно... Порой бывает же такая странность у женщин: когда мужчина полностью счастлив, это сразу кажется нам подозрительным. Изменил? Встретил другую и готов влюбиться? Что-то скрывает?.. Примерно так я размышляла. Многие девушки подумали бы о подводном течении в штиле отношений.

Сегодня мы собирались посидеть на нашем месте у озера. Весь день и вечер Карл не сводил с меня глаз и чаще, чем прежде, обнимал меня и целовал. Когда Том запел очередную песню, меня осенило: а может, не нужно искать скрытые причины его радости? Зачем додумывать, ревновать без повода? Не стоит усложнять. Лучше подумаю, что именно я сделала его таким счастливым. Карл похож на влюбленного? Неудивительно: ведь он влюблен — в меня! Наверняка не только девушки боятся потерять любовь.

Но возникает другой вопрос: что лучше: думать, что все прекрасно, питать иллюзии, или — быть настороже, ждать подвоха и трезво оценивать каждый жест, взгляд, действие? Разыскивая в них нелогичность, мифический обман. Что не так больно: разбитые грезы или жизнь без мечтаний?

Вывод напрашивается один: надо найти золотую середину. Но нужно быть либо умной, либо сильной, чтобы из этой середины не кидаться в крайности. Что выбрала я? Доверилась Карлу, понимая, что он больше не причинит мне боли.

— Я хочу от тебя детей... — сказал Карл, когда я на секунду отпрянула от его губ.

Мы сидели у меня в комнате. Карл, одетый, — в кресле, а я, почти обнаженная, — на нем. Мы целовались и хотели отдаться страсти. И тут он сказал эту фразу. Я подумала, что он просто не в себе, но увидела серьезный взгляд Карла. Он не ошибся, это не случайность.

Я озадаченно посмотрела на Карла:

— Ты серьезно?

— Какие могут быть шутки.

— Но мы не женаты. Дети не могут родиться вне брака.

Я не сердилась, наоборот, мне было приятно услышать такое.

— Знаю, — сказал Карл. — Сейчас ты не готова и не хочешь детей. И именно поэтому я не стою перед тобою на коленях и не прошу твоей руки.

Карл нежно поправил мои волосы. Только он умел делать это так, что я невольно закрывала глаза от удовольствия. С легкой улыбкой он продолжил:

— Но если у меня появятся дети, я хочу, чтобы их матерью была Дамана Брустер... Хочу детей от графини — да. Пусть обвинят меня в корысти. Но пусть сперва задумаются: кто лучше меня знает эту удивительную девушку? Кто, кроме меня, защищал ее и будет защищать? Я буду любить наших детей иначе, чем люблю тебя. Это единственная форма любви, которой я не могу одарить тебя, Дамана. Не могу любить тебя как сестру. Люблю тебя как творение Бога, совершенное и неповторимое! Люблю как женщину... Как мою женщину! И дети будут нашим продолжением. Им я подарю любовь, которая тебе не достанется никогда. И тогда все будет на своих местах.

Что еще может хотеть женщина в этом жестоком мире? Я желаю Карла... Моего Карла. От его слов слезы навернулись на глаза. Зачать ребенка захотелось прямо сейчас... Но стоп! Мне еще столько надо успеть.

— Что скажет на это моя графиня? — спросил Карл, прислонившись лбом к моему.

— Я подарю тебе радость отцовства, — ответила я. — Потому что только от тебя я хочу услышать такие слова. Мои дети будут звать папой лишь тебя, Карл Норрис!

Карл улыбнулся. Он был абсолютно счастлив, он верил мне. Никогда не наступит такое время, когда мне придется ему солгать... По крайней мере, в вопросе искренности моих чувств к нему.

— Пусть обвиняют меня в любви к простому кебмену! Но пусть сначала покажут мне мужчину благороднее Карла Норриса, этого совершенного творения Божьего! Люблю тебя... И наших будущих детей.

— Спасибо, — на тяжелом выдохе проговорил Карл. — Люблю тебя, родная...

10 июля 1774 года. Вторник

После ужина мы сидели в гостиной у миссис Норрис: я, она и Карл, только что вернувшийся с работы. Я погрузилась в свои мысли. Мать с сыном о чем-то беседовали — не помню о чем, да это и не имело значения.

Мне всегда нравилось наблюдать за ними, особенно зимой. Заботливая миссис Норрис непременно заставляла Карла потеплее одеваться, а он, словно маленький ребенок, упирался, уверяя, что не замерзнет. И все же не раз бывало: вернувшись домой, Карл по секрету признавался мне, что стоило все-таки послушать маму.

— Завтра бал, — ни с того ни с сего сказала я. — В честь дня рождения очередного графа.

— Летом балов хватает, — отозвался Карл.

— Да, — согласилась я. — Но завтра исполнится двадцать пять лет сыну лорда Норта. На одном из праздников его отца... познакомились мои родители.

— Я думал, это случилось на приеме у короля, — предположил Карл.

— Верно, — кивнула я. — Праздник традиционно проходит в одной из королевских резиденций. Лорд Норт — близкий соратник монарха. Его сыну — двадцать пять, а мне — двадцать...

— Что ты хочешь этим сказать? — поинтересовалась миссис Норрис.

Тут я пришла в себя. Нарисовала на лице обычную улыбку.

— Ничего особенного. Просто из газет узнала про бал и поделилась.

Уже давно в моей голове бурлили мысли. Я пыталась оттолкнуть их от себя, но они все равно возвращались и заставляли душу страдать. Я считала слова матери «разум побеждает чувства» и своим девизом. Так и было: мой рассудок брал верх в борьбе с эмоциями. Но сейчас они говорили во мне в один голос.

Миссис Норрис — наивный, очень доверчивый человек. Она не стала задавать лишних вопросов и просто поверила мне. А вот Карл... Карл озадачился, но не стал выводить меня на чистую воду при матери.

13 июля 1774 года. Пятница

Сегодня Пэт заметила, что я кого-то ей напоминаю. Дэвид и Карл над ней шутили, но больше для того, чтобы не произошло разоблачения. Как бы я ни относилась к мисс Уэйс, но в такие моменты, когда она демонстрировала интуицию, ум и настойчивость, я начинала ее уважать.

А на следующий день меня раздражало все. Из газет я узнала о рождении ребенка в семье баронов Вуд. Статья изобиловала похвалами, поздравлениями и комплиментами. Можно подумать, этот ребенок совершил героический поступок, просто родившись. Он ведь никто, несмышленный младенец, но уже сейчас ему пророчат большую политическую карьеру! А вдруг он станет алкоголиком или дураком и ничего не добьется в жизни? Я рвала и метала.

И не без причины! Я сидела в гостиной — пусть уже ставшей родной, но все же ветхой — в постоялом дворе, который сама выкупила, чтобы пять семей не остались без крова. А этот Вуд-младший — разве он хоть чем-то оправдал свое высокое положение? О ком они пишут вообще, эти газетчики!

Я презрительно фыркнула, швырнула газету на журнальный столик и скрестила руки на груди.

— Нет, — тихо произнесла я. — Я должна быть не здесь...

В пустой комнате меня никто не мог услышать, так что я позволила себе произнести эти слова вслух.

16 июля 1774 года. Понедельник

У Карла сегодня выходной. Весь день мы провели дома. В гости забрели друзья, ближе к вечеру они ушли, остался только Дэвид. Мы втроем пили чай с печеньем у меня в комнате и разговаривали.

Около одиннадцати часов вечера в дверь постучал Питер. Он вошел, обменялся рукопожатиями с Карлом и Дэвидом, окинул взглядом комнату и задержал взгляд на мне.

— Заседание при графине? — с улыбкой спросил Питер.

— Да, — ответила я. — Как раз вас, мистер юрист, нам не хватало.

— Ну, теперь я здесь. Можем приступить к переговорам, — Питер опустился на стул у комода. — И начнем с того, что... налейте-ка мне чаю, ваше сиятельство Брустер.

Трое моих собеседников расхохотались. Я старалась сохранить серьезное выражение лица, но не выдержала и подхватила шутку:

— Вам со змеиным ядом или с крысиным?

— О—о—о... — протянул Питер. — Какие изысканные варианты! Пожалуй, ограничусь молоком.

— Летучей мыши? Прекрасный выбор. Сию минуту исполню.

Мы обменялись улыбками, и я направилась за чашкой.

— Злая ты, Дамана, — бросил Питер мне вслед. — Твой отец был куда добрее.

Я вернулась с чашкой, состроила шутливую гримасу и налила Питеру чаю.

— Тогда возьмите печенье и будьте великодушны — простите меня, — с улыбкой подыграла я.

— Вот теперь ты с ним одно лицо.

Питер взял печенье и чашку, сделал глоток. Я стояла у окна, опершись о подоконник. Питер, не сводя с меня глаз, улыбался.

— А где Салли? — не выдержал Карл.

Конечно, ему хотелось не столько выяснить, где Салли, сколько напомнить Питеру, что у графини, на которую он так восхищенно смотрит, есть... хозяин...

— Уже спит, — ответил Питер. — Ты, кстати, можешь по старой памяти сходить проверить...

Дэвид рассмеялся: теперь его веселили перепалки между Норрисом и Ричардсом. Карл разозлился:

— Я тебе память тоже могу обновить!

Отношения Питера и Карла не изменились: откровенная неприязнь, злость и даже ненависть. Но из-за меня им приходилось терпеть друг друга.

— Карл, — произнес Питер, — ты же знаешь: я не променяю Салли даже на графиню. Да, она неподражаема, но она — твоя. И я не завидую. Я рад за вас.

— Неужели?

— Да. Посмотри, сколько благородства в Дамане! Мне с таким не сравниться... Изысканная, гордая, преданная — истинная Брустер. Настоящая женщина, о которой многие мечтают.

Карл не улыбнулся. Он, казалось, был со всем согласен, но явно ощутил скрытую игру за словами Питера. Я же смотрела на гостя без одобрения: мне было ясно, что он действует тонко и не вполне чисто. Каждое его слово жалило Карла. Он напомнил и о классовом разрыве, и о том, что на пути к браку со мной могут встать другие мужчины. А упоминание о моей преданности — это был укол в мою сторону, призванный пробудить во мне новые порывы страсти.

— Довольно шуток! — вмешался Дэвид. — Нашей графине мешает голубая кровь. Недавно Пэт чуть не раскусила нас.

— Не сообразит, — возразил Карл. — Просто в Дамане столько грации, что она среди нас выделяется. Посмотрите, какие движения, жесты! Будто она всю жизнь провела во дворце.

— Просто в нашей графине столько голубой крови, — продолжил Питер. — Сами представьте... Весь род Брустеров стоит перед нами при свечах на фоне звездного неба. Дамане не с кем делиться этой кровью... Вот она и выливается через такие мелочи. И в исполнении Даманы они великолепны.

— Даже твое молчание, Дамана, — продолжил Дэвид. — И взгляд. Смотришь на нас, как на идиотов. Это нечто особенное. Никогда не сталкивался с таким взглядом...

— Не верю, — таинственно проговорила я.

— О, какой голос! — сказал Карл.

Все трое рассмеялись. Я улыбнулась и слегка вскинула брови, выражая недовольство. Мне не хотелось прерывать их восторженные рассуждения, хотя я и не разделяла их полностью.

— Да, — подхватил Дэвид. — У меня аж мурашки по коже побежали.

— Хватит хихикать, — оборвала я их.

Карл смотрел на меня, и я почувствовала себя вполне сильной. Я нежно взглянула на Карла и отпила чаю. Норрис всматривался в меня очень серьезно и вдумчиво. Он был убежден, что я готова сделать смелый шаг, а остальные догадывались. Я не хотела посвящать в свои планы. Пока...

17 июля 1774 года. Вторник

Сегодня во время уроков я задумалась, зачем родители платят мне. Чтобы дети получили знания? Или чтобы они могли продолжить дела родителей? Наверное, так. Это натолкнуло меня на новую идею. Я вспомнила о первом сне в общежитии. В нем меня будто короновали. Там были все люди, которые мне близки сейчас, и те, которые были близки... Возможно, стоит вернуть все на круги своя? Вернуть свое себе...

Последняя капля терпения испарилась. И первым должен был узнать об этом Карл.

Карл лежал в моей комнате на кровати с закрытыми глазами, но не спал. Я подошла к комоду и посмотрелась в зеркало. Теперь не только в душе я чувствовала желание — вся моя сущность наполнилась им. А в глазах плясали чертики.

— Я хочу вернуть себе титул, — твердо произнесла я.

В отражении зеркала я заметила, как Карл открыл глаза. Он приподнял голову и внимательно посмотрел на меня. Его лицо оставалось спокойным — он воспринял мои слова как неизбежность.

— Продолжай, — мягко произнес он.

Я обернулась к нему.

— Трудность в том, что я не знаю, как это сделать...

— А чего именно ты хочешь добиться? — уточнил Карл.

— Я уже сказала: вернуть титул. Но... — я замялась.

— Что еще? — подбодрил он.

— Не только титул, — выдохнула я. — Авторитет моего деда и отца. Восстановить производство и торговлю. Я хочу жить в фамильном доме, отыскать тело матери, может, перезахоронить... Хочу совершать по-настоящему значимые дела!

— Зачем?

— Карл, мое родовое сознание этого требует! Само графство мне дорого, но земля спокойно существует и в мое отсутствие. Однако, прежде всего, мне важно мое поместье, регалии, фамильные вещи! Я прожила не так много, а мой род тянется века с двенадцатого или тринадцатого века. Я последняя из рода... А никто даже не знает, что Брустеры еще остались. И неужели я позволю говорить об этой семье, моей семье, в прошедшем времени? Я не могу так просто забыть о своем долге! И жить здесь. Будто ничего не произошло!

Карл улыбнулся.

— А я все гадал, когда же ты об этом скажешь... Давно в тебе это кипело?

— Еще как.

Мне показалось странным спокойствие Карла.

— Ты в безвыходном положении. Есть желание, есть мечта, но, как воплотить ее в жизнь, не знаешь. И тебе, Дамана, очень тяжело... Так?

Я кивнула. Мне показалось, что он надо мной чуть ли не издевается.

— Подозрения и догадки, Дамана, гораздо хуже, чем истина. Ведь правда имеет пределы, а фантазия — нет...

— К чему ты клонишь?

— Я могу помочь.

— Наверное. Я пока еще не знаю...

— Нет, Дамана. Разве я задавал вопрос?

— Карл! — рассердилась я. — Я не в настроении разгадывать ребусы!

Норрис мило улыбнулся. От моей злости не осталось и следа. Появилось отчаяние. Я поймала себя на мысли, что нуждаюсь в помощи или хотя бы в полезном совете. Карл, видимо, уловил грусть в моих глазах.

— Иди ко мне, — сказал он нежно, протягивая руку. Посадил меня рядом с собой. Поправил мои волосы, нежно прикоснулся к щеке.

— Мы сделаем из тебя графиню, моя леди Брустер.

— Как? — улыбнулась я.

— Я все продумал. Дамана, ты сошла с портретов. Но те, кто мог бы подтвердить твою подлинность и выслушать доводы, вряд ли согласятся даже принять нас. Согласись, у аристократов и без того хватает забот...

Я кивнула.

— Никто не будет слушать...

— Это все вода, Карл! Что дальше?

— Я твой должник, Дамана. А моя мама до сих пор верит в Божью благодать... Но не догадывается, что Бог — это ты. У меня есть план, как сделать так, чтобы сам король мог тебя выслушать.

— Что ты придумал? — воодушевленно поинтересовалась я.

— Нам нужна помощь людей, которыми ты пренебрегаешь. Церковнослужителей...

— Зачем?

— Объясню. Я недавно проезжал мимо храма Рождества Пресвятой Девы Марии и вспомнил, что тебя там крестили... Так?

— Да...

— Аббатом до сих пор в ней все еще служит отец Флетчер. Ведь именно он тебя крестил...

— Господи Боже...

«Как я сама не догадалась?!»

Я радостно взвизгнула и набросилась на Карла с объятиями.

— Насколько мы знаем, им не впервой выслушивать исповеди... — задумчиво произнес Карл.

— Карл, я тебя люблю! — искренне выдохнула я.

— Можем отправиться к нему хоть завтра, — уверенно сказал он.

— Завтра? — я запнулась, пораженная его решимостью. — Карл, идея поистине превосходна, и мы обязательно ее воплотим. Но я не хочу ничего испортить — нужно все тщательно продумать. Думаю, лучше заявить о себе в следующем году: по возрасту меня воспримут серьезнее.

— Тебе исполнится двадцать один в декабре... Через полгода, — подсчитал Карл.

— Пять месяцев, — повторила я. — За это время мы продумаем все до мельчайших деталей. Шаг за шагом, Карл. Даже то, когда следует сделать вдох, а когда — затаить дыхание. Вот первый вопрос: что мне ответить, если спросят, как я сбежала из приюта?

— «Малолетняя убийца»? Ходят слухи, что ты, Дамана, вообще мертва... Возможно, никто не знает о приюте. Как ты выжила? Очень просто: после смерти матери мы сразу же взяли тебя под опеку.

— Твоя мама согласится мне подыграть?

— Мы все ей расскажем перед тем, как поедem к священнику. Если потребуется ее личное подтверждение, мама все сделает, я думаю, с радостью.

— Все же нет, — произнесла я, подумав получше. — В этом доме очень много свидетелей. Не думаю, что мы сможем каждого упротить нам подыграть...

— Верно, — покивал Карл. — Видишь, ты лучше меня соображаешь. Нам надо разработать несколько легенд и исходя из разговора, выбрать одну из них.

Я улыбнулась и не ответила.

— С ума сойти... — проговорила я.

— Что такое?

— Карл! Приятно, когда мечты сбываются. Но такое непонятное чувство в предвкушении этого события... Неужели все вправду сбудется... В то же время это не может не произойти, ведь мечта уже так близка...

4 ноября 1774 года. Суббота

Мы стояли на крыльце общежития, готовые отправиться в церковь. Утренний воздух был свеж, а тени — длинные.

— Ну что, — Карл обернулся ко мне, — ты готова?

Я молча кивнула. Поскольку у Карла был выходной, пришлось нанять другого кебмена. Карл галантно подал мне руку, помог запрыгнуть в кабину и ловко запрыгнул следом. Кеб тронулся, мягко покачиваясь на неровностях мостовой. Я сохраняла непробиваемую серьезность, в то время как Норрис сидел невозмутимый и спокойный.

— Что сказала мама? Ты все ей объяснил? — спросила я, стараясь скрыть волнение.

— Она была поражена, — Карл улыбнулся, но в глазах читалась тревога. — Сначала спросила, почему мы не предупредили ее заранее. А потом добавила... — он сделал паузу, — что в той маске, которую ты носишь, Дамана может задохнуться. «Пора уже дышать», — вот что она сказала.

Я наконец улыбнулась — искренне, с облегчением:

— Что ж... Я рада это слышать.

— Но все-таки тебе стоило рассказать ей вместе со мной, — мягко упрекнул Карл. — Сегодня вечером не убежишь — у мамы накопилось немало вопросов к тебе.

— Обещаю, не сбегу, — заверила я. — Ты изложил ей весь план?

— Да, — кивнул он. — Но предупредил, что все может измениться. Мама на нашей стороне. Главное — держать ее в курсе.

— Обязательно, — кивнула я в ответ.

Мы ехали до храма примерно полчаса. Я не боялась и ни минуты не колебалась, полная решимости. Несмотря на каменное лицо, я была в прекрасном настроении.

Этот день оказался знаковым. Ведь я ехала к своему будущему. Сделала первый шаг к своей мечте. И как передать ту радость, что первый шаг я делала с Карлом, — не знаю.

Кеб плавно остановился. Карл галантно подал мне руку и помог сойти на землю. Передо мной возвышалась знакомая церковь — та самая, где меня крестили в пятилетнем возрасте. Но я все прекрасно помнила. Очень тесный круг знакомых, никого лишнего: небольшая семья и значимые для нас люди. Этот храм был на особом счету у монархии, духовенства и прочих аристократов. Конечно, сюда пускались все прихожане, но в этой церкви всегда крестили детей председателей парламента. Венчались, исповедовались и прочее — вся иерархия. И вот я вернулась. Приятно возвращаться в прошлое. Омрачала положение только церковь. Я не верю в божественные явления, и вот, по иронии судьбы, иду за помощью к тому, кого ненавижу... Хотя — почему ненавижу? Я верю в Бога. Только вера моя несколько другая.

— Красиво, — искренне призналась я.

— Ну что... Пора.

Мы пошли по широкой, вымощенной камнем дороге. Едва переступив порог святой обители, мне в нос ударил запах воска и ладана. Внутри было почти пусто — всего несколько человек, затерявшихся в огромном пространстве храма. У алтаря стоял священник, ходили редкие служки.

— И где же тот, кто нам нужен? — озабоченно спросил Карл.

— Не вижу... И, признаться, совсем не помню, как он выглядит, — вздохнула я. — Придется спросить у кого-нибудь.

Мы осторожно приблизились к священнику, стоявшему у алтаря.

— Простите... — тихо начала я, понизив голос.

Тот обернулся. К моему удивлению, он оказался красив и молод — едва ли старше двадцати двух лет. Но в глазах читалась глубокая мудрость, а весь облик, как и подобает служителю Господа, излучал спокойствие и безмятежность.

— Здравствуйте.

— Добрый день, — ответили мы.

— Чем я могу Вам помочь?

— Я пришла исповедаться.

— Что ж, — сказал священник. — Мы можем пройти в исповедальню.

— Святой отец, — я робко подняла глаза, — прошу, не сочтите мои слова за неуважение.

Но понять меня сможет лишь отец Флетчер...

— Аббат Флетчер? — удивленно переспросил священник.

— Да. Могла бы я его увидеть?

— К сожалению...

Сердце екнуло. «Только не это! — пронеслось в голове. — Только бы он не умер!»

— Сейчас отец Флетчер не в церкви. Он отъехал буквально пятнадцать минут назад.

— Очень жаль, — сказал Карл. — Мы можем его подождать?

— Я предполагаю, что мой отец еще не скоро приедет...

— Ваш отец? — переспросила я, делая ударение на первое слово.

— Святой отец Флетчер, — ответил священник.

Мы с Карлом обменялись быстрыми взглядами. Мой спутник, кажется, не уловил того, что мгновенно поняла я нутром: молодой священник относился к Флетчеру не просто как к старшему — как к наставнику, почти отцу. И то, как он ловко уклонился от моего акцента на слове «отец», лишь подтверждало догадку. Для меня это не было совпадением — это была разгадка. С этим парнем я в детстве училась верховой езде. Вспомнив его, я широко и ярко улыбнулась Флетчеру-младшему.

— Уэйн... — произнесла я непроизвольно.

Я нашла это имя — Уэйн — в глубоких уголках памяти. Памяти, в которой еще не было боли. Я хотела обнять Уэйна и сказать, что это я — Дамана! Неужели ты меня не узнал?! Ты же был моим лучшим другом, как и Стефан... Я не сводила с него радостных глаз. Уэйн смутился. Карл посмотрел на меня с удивлением: я не рассказывала ему о названном сыне отца Флетчера. Сказать по правде, я сама о нем забыла. Ведь в голове столько мыслей.

Уэйн внимательно посмотрел на меня:

— Мы знакомы? Откуда Вы знаете мое имя?

Что ответить? Я не хотела лгать, но и раскрывать всю правду пока было нельзя. И тогда я сказала то, что действительно чувствовала:

— Вы тоже меня знаете, уверяю вас. Вы сделали мне настоящий сюрприз. И я вас тоже удивлю — но чуть позже.

— Почему?

— Потому что так будет лучше. Простите меня за такое поведение. Я просто очень рада Вас увидеть.

Недоумение Уэйна сменилось приятной улыбкой. В его глазах я увидела счастье, и мне стало тепло от того, что я подарила ему радость.

— Спасибо, — сказал Уэйн. — Так Вам нужен отец Флетчер?

— Да, — ответил Карл. Я же была в таком радостном восторге, что чуть не расплакалась.

— А мне Вы не доверите свои грехи? — спросил Уэйн.

— Почему же сразу грехи? — улыбаясь, спросила я. — Я сказала, что только отец Флетчер сможет меня понять.

— Мы можем застать его завтра? — поинтересовался Карл.

— Да, — ответил Уэйн. — Он завтра будет целый день. Я передам, что Вы заходили. Как Вас зовут?

— Удивит ли Вас то, что я его давняя знакомая?

— Да, — ответил Уэйн, — как и то, что вы знаете меня. Но вы слишком молоды для его давней знакомой.

— Я тогда была совсем девочкой.

— Мы приедем завтра, — подтвердил Карл, — скорее всего, в это же время.

— Хорошо, — улыбнулся Уэйн. — Будем вас ждать.

Он задержал на мне взгляд, словно пытаясь что-то вспомнить. Мне показалось: еще мгновение — и он узнает меня.

— Было очень приятно увидеться... Уэйн, — сказала я, слегка склонив голову.

— Думаю, аббат будет искренне рад вам, — ответил он. — Он всегда рад прихожанам, но старым знакомым — особенно.

— До свидания.

Мы с Карлом вышли из церкви. Уэйн стоял у входа и провожал нас взглядом — до тех пор, пока тяжелая деревянная дверь не закрылась за нами.

Оказавшись на улице, я не смогла сдержать широкой улыбки и повернулась к Карлу. Он ответил мне такой же радостной улыбкой. Мы сели в кеб. Карл выдохнул с облегчением, повернулся ко мне и тихо спросил:

— Ну, теперь рассказывай: откуда ты его знаешь?

— С ума сойти, Карл! Мой папа приходил к аббату Флетчеру на исповедь, так они познакомились, а потом подружились.

— Вот оно что! Но как у священника, который на хорошем счету у папства и первых лиц королевства, может быть ребенок?

— Уэйн — не родной сын, а племянник, — пояснила я. — С ним случилась настоящая трагедия. У отца Флетчера был брат — он и его жена погибли при пожаре, сгорели в собственном доме. Выжил только маленький Уэйн. Куда ему было идти? Только к дяде. Отец Флетчер принял его как родного — с такой любовью, словно это его собственный сын, которого у него никогда не будет. Уэйн и сам привык называть его папой, хотя на самом деле тот ему дядя. Многие, как и ты сейчас, поначалу путаются. Они часто бывали в нашей усадьбе — мы с Уэйном даже вместе учились верховой езде.

— И вправду трагедия! Но твой крестный завтра будет в восторге!

Карл улыбался и сиял. Он искренне радовался за происходящее, за меня, как настоящий друг. Ему, безусловно, было интересно и лестно участвовать в возвращении моего долгожданного прошлого.

— Может, даже к лучшему, что мы не застали отца Флетчера, а встретили Уэйна, — сказала я. — Он подготовит крестного к завтрашнему, хотя бы немного. Он старше меня на... М-м... На год, что ли... Нет! Почти на два года. Я бы ни за что не узнала Уэйна, если бы он не сказал.

— Почему?

— Очень изменился. Не будь он священником — пользовался бы большим спросом у женщин...

— Да ты что? Как ты смеешь допускать такие мысли о святом человеке? Еще и при мне...

— Карл... — нежно выдохнула я, показывая, что не хотела его обижать.

Норрис это прекрасно понимал. Он обнял меня и поцеловал.

Уэйн и правда очень приятный человек. С детства я помнила его блондином, а теперь его волосы отливали рыжиной, что Уэйна не портило. Да, не смогла бы я его узнать на улице: столько лет прошло.

Вернувшись домой, как Карл и обещал, я нарвалась на шквал вопросов миссис Норрис. Не стала отпираться. Мне было приятно рассказать хозяйке о том, что сегодня произошло. Миссис Норрис очень умилила история об Уэйне. Я же считала минуты до завтрашнего дня, чтобы еще раз увидеть его и поговорить с отцом Флетчером... Забавно, ведь и он мой отец, только крестный. А это значит, я нашла и брата... Боже! Как же хорошо!

5 ноября 1774 года. Воскресенье

Сегодня Карл работал. Он довез меня до церкви. Карл привязал лошадей к забору. Я ему, конечно, сказала, что так делать нельзя; он ответил с улыбкой, что сам знает.

Мы отправились в церковь. Сегодня прихожан было немного больше. Вскоре к нам подошел Уэйн. Он сообщил, что сейчас позовет отца Флетчера, вежливо предложил присесть в первом ряду и удалился.

Немного выждав, я направилась к исповедальне. Признаться, я исповедалась впервые — и, к моему удивлению, в маленькой темной комнатухе оказалось вовсе не страшно, а даже уютно. Я всегда ценила красоту дерева, а здесь вся мебель была деревянной: изящной, резной, покрытой темным лаком — по-настоящему старинной и благородной.

Спустя какое-то время я услышала приглушенные голоса. Прищурившись, я взгляделась сквозь маленькие отверстия в двери — они напоминали тонкую сетку — и увидела Карла. К нему как раз подошли отец Флетчер и Уэйн. Карл поднялся, чтобы поздороваться. После короткого разговора он едва заметно кивнул в сторону исповедальни. Святой отец направился ко мне, а Карл остался беседовать с Уэйном.

Когда отец Флетчер приблизился, я почувствовала, как холод пробежал по мне, от ног до горла. Этот холод я выдохнула, словно тяжелый ком, и мое сердце вновь забилося ровно. Священник вошел в соседнюю кабинку. Я не могла разглядеть его лица.

— Здравствуй, дочь моя. Как зовут тебя?

— Здравствуйте, святой отец. А что, если я хочу, чтобы Вы угадали мое имя?

— У нас нет на это времени, к сожалению. У Господа и так немало дел: множество грешников хотят покаяться...

— Я догадывалась, что времени на меня он не оставил.

— Ты думаешь, что Бог оставил тебя?

— Нет. Но мне не в чем каяться, святой отец.

— Каждому из нас, детей Божьих, есть в чем покаяться...

— А в чем хотите покаяться Вы, святой отец?

Мой собеседник на мгновение замялся, и я тут же осознала, что зашла слишком далеко.

— Простите, святой отец. Я пришла не просто так. Но и не для раскаяния.

— Что же ты хотела, дочь моя? Я готов тебя выслушать.

— Вы говорите «дочь моя» — и даже не представляете, как правы.

— Что это значит?

— Как ваш указательный палец на правой руке?

Святой отец умолк. Я уловила едва заметное движение в его кабинке — он невольно посмотрел на палец.

— Все хорошо, спасибо, — нервно ответил отец Флетчер.

— Больше, наверное, не болит?..

— Нет...

Я почувствовала, как он напрягся. Во мне же, напротив, азарт будоражил душу, пульсируя в крови.

— Это понятно. Столько времени прошло. И сейчас, спустя столько лет, я хотела бы попросить у вас прощения за этот укус... — Я усмехнулась и закончила: — Но мне так не хотелось креститься.

Священник молчал и не двигался. Затем медленно поднялся, вышел из исповедальни и резко распахнул дверь, за которой я сидела. Резкий свет хлынул в лицо, на мгновение ослепив. Слабые очертания крестного постепенно проступали, обретая четкость — словно прошлое, наконец, обрело форму.

Как отец Флетчер постарел! Но черты его лица остались прежними — такими же, как в тот день, когда он крестил меня. Он замер, приоткрыв рот от изумления, словно увидел привидение. Казалось, будто я принесла с собой не весть о встрече, а саму чуму в его обитель. Его лицо стремительно бледнело, взгляд застыл, а губы не шевелились — он молчал, не в силах вымолвить ни слова.

Описывать долго, но на самом деле это произошло за секунды. Я медленно подняла лицо. Когда терпеть уже стало невозможно, когда ком в горле готов был превратиться в голос, я мягко сказала:

— Вот мы и свиделись, крестный...

Надо было что-то сказать, вот я и сказала то, что первое пришло в голову.

Отец Флетчер молчал. Немного качнулся в сторону. Очевидно, ему стало плохо.

— Святой отец?..

В тот же миг я поняла — он теряет сознание. Я вскочила, бросилась к нему, но не успела протянуть руку: отец Флетчер рухнул без чувств.

— Отец! — в ужасе выкрикнул Уэйн.

Он и Карл бросились к нам. Я опустилась на колени рядом с крестным. Уэйн осторожно приподнял отца, пытаясь привести его в чувство. Вокруг уже собирались зеваки, перешептываясь и вытягивая шеи.

— Воды! — громко попросил Уэйн. — Скорее, дайте воды!

— Что происходит? — растерянно спросил Карл.

— Я не знаю... — прошептала я, поднялась и взяла стакан воды из рук подоспевшего служки. — Он так внезапно побледнел...

Я передала стакан Уэйну. В этот момент отец Флетчер медленно открыл глаза — холодные капли воды скатились по его лицу. Взгляд он остановил на мне — потерянный, полный невысказанных вопросов.

— Отец! С тобой все в порядке? — переживал Уэйн.

Флетчер не ответил. Он смотрел на меня с каменным лицом. Но наконец-то в его глазах начала зарождаться радость.

— Возьми, — Уэйн протянул стакан. — Выпей, тебе станет лучше.

Флетчер не слушал. Он приподнялся, не отрывая от меня взгляда, и тихо, неуверенно, почти шепотом произнес:

— Дамана?..

Все замолчали, казалось, даже время провалилось. Уэйн расслышал мое имя, и оно подействовало на него, словно отрезвляющая пощечина. По его взгляду я поняла: он вспомнил меня. Его глаза всмотрелись куда-то вглубь, словно пытаясь уловить отблески давних воспоминаний. Я коротко улыбнулась ему, но это было уже потом. Сейчас же все наше внимание было приковано к состоянию аббата.

Святой отец аккуратно поднялся, опираясь о руки Уэйна. Карл встал рядом на всякий случай. Уэйн был растерян, а Карл самодовольно улыбался, как бы говоря: «Действует!» Зеваки же вообще не понимали, что происходит. Я оглядела всех, опустила лицо, потом посмотрела на крестного:

— Да, это я.

Флетчер сделал шаг ко мне и внимательно всмотрелся в мое лицо, словно пытался прочесть в нем историю прошедших лет. Затем он по-отечески положил ладонь на мою скулу — осторожно, будто хотел убедиться, что я цела и невредима. Это напоминало момент, когда родитель осматривает ребенка после падения: в его взгляде читались и тревога, и облегчение.

Его руки мягко скользнули вниз и остановились, бережно сжав мои ладони. Святой отец молчал, лишь смотрел на меня — долго, проникновенно. И когда в его глазах заблестели слезы радости, он осторожно обнял меня.

Я на мгновение смутилась, но тут же вспомнила: это же мой крестный, мой второй отец. Мои ладони легли ему на спину, отвечая на объятие. Он прижал меня к себе чуть крепче, задержал в объятиях на несколько долгих секунд, а затем осторожно отстранился. На его лице читалась радость, смешанная с каким-то трепетным испугом, будто он до конца не верил в происходящее.

— Но как? — наконец выговорил Флетчер. — Мы думали, что ты погибла.

— Многие так думали. — я указала на Карла. — Этот молодой человек спас меня.

Аббат положил руки Карлу на плечи и голосом, которым владеют только служители Бога, сказал:

— Благодарю тебя!

— Что вы... — смутился Карл.

— Как зовут тебя?

— Карл Норрис.

— От всего сердца, Карл, спасибо... — в голосе Флетчера звучала искренняя благодарность.

— Что здесь происходит? — не выдержал Уэйн, в его голосе звучало недоумение.

Флетчер бросил взгляд на сына, затем огляделся вокруг, заметил собравшихся зевак и, выпрямившись, произнес:

— Дети мои, следуйте за мной.

Он пошел к алтарю. Мы с Карлом с сомнением переглянулись. Я не желала приближаться к изображенным святым, а Карл знал, что мне это не по душе... Священник открыл дверь, вход в которую был разрешен только служителям церкви.

— Прошу вас, — сказал он, приглашая нас.

Мы с Карлом все еще сомневались, но тут вмешался Уэйн:

— Пойдемте.

Внутри меня кипела злость — я не хотела заходить в это святилище, но выбора не оставалось. Сжав зубы, я все же заставила себя изобразить вежливую улыбку и покориться святому отцу.

Проем оказался настолько низким, что, даже наклонив голову, я все равно слегка ударила макушкой. Следом за мной шел Карл — он едва не налетел на меня, но вовремя удержался и инстинктивно положил руку мне на талию. Этот жест немного успокоил меня, хотя тревога не отпускала. Напротив, внутри нарастало острое желание уйти.

Комната с одним окном под сводами, похожа на гостиную. Была залита дрожащим светом множества свечей — они стояли повсюду. Я разглядела простой деревянный стол, старый диван, пару кресел и буфет с серебряными столовыми приборами. Все выглядело бы обыденно, если бы не десятки старых икон. Одни стояли в углах, ожидая реставрации, другим просто не нашлось места в церкви. Их было не меньше, чем свечей. Лики святых, казалось, пристально следили за каждым моим движением — сурово, осуждающе, будто пытались выдворить незваную гостью из священного места. Я не боялась — мне было неудобно.

Пока мы с Карлом нерешительно стояли у порога, осматриваясь, Уэйн уже хлопотал: наливал воду в стаканы и аккуратно расправлял складки на обивке дивана, стараясь придать обстановке более приветливый вид. Хотя и без того все было весьма аскетично и чисто. Святой отец поставил на стол какую-то выпечку.

— Ну что же вы стоите в дверях? — спросил священник у меня и Карла. — Проходите, присаживайтесь.

Мы опустились на диван. Коснулись друг друга бедрами, когда садились. Смешно, именно в этот момент я почувствовала огромное желание. Наши взгляды встретились, полные страсти, но тут же, словно опомнившись, Карл поспешно отвернулся. И мне пришлось.

Уэйн шепотом спросил у отца Флетчера, кто мы такие. Тот улыбнулся:

— Это твоя сестра. Разве ты не узнал Даману Брустер?

Уэйн остолбенел, но в обморок не упал. Глядел на нас с сомнением.

— Здравствуй, Уэйн, — я встала с дивана и подошла к моему другу детства. — Столько лет прошло... Я бы тебя тоже ни за что не вспомнила. Теперь я вижу твой образ, увы, стершийся из памяти за столько лет. По глазам вижу — ты не веришь мне. Как время ломает человека! Уэйн, это же я, Дамана! Неужели ты не помнишь наши уроки верховой езды? У нас в усадьбе... Когда ты проигрывал, оправдывался, что у моего коня ноги длиннее... А я говорила — у твоего, он же был выше... Ты не можешь этого не помнить!

Уэйн смотрел мне в глаза, но его взгляд был таков, будто ему было больно слышать мои слова.

— Я помню. Но... Ты будто воскресла из мертвых...

— Уэйн!.. — перебил его священник, но тот не замолчал:

— Говоришь, не узнала бы меня... Но в тебе все другое. Даже взгляд! Он другой. Ты не похожа сама на себя...

— Как же так? — спросила я. — Неужели ничего не осталось?

Я невольно улыбнулась, вспомнив наши прогулки вдвоем. Улыбнулся и Уэйн.

— Нет, — проговорил он. — Улыбка та же!

— Ты был ребенком, сынок. Вы оба были детьми, — восхищенно заметил крестный. — А вот я узнаю тебя. И на родителей похожа. Похорошела!

Уэйн улыбнулся — лишь краешком губ, сдержанно, но в глазах уже светилась искренняя радость. На мгновение мне показалось, что, сбрось он сейчас свое священническое облачение, он бы крепко обнял меня, как в детстве. Но черные одежды, строгие и торжественные, словно воздвигали между нами невидимую стену. Это задало тон на долгие годы вперед, дорогой читатель.

Да, его улыбка была теплой, полной нежности и радости встречи, но сам он оставался недостижим — слугитель Бога, а не тот мальчишка, с которым мы когда-то играли на лужайке. Мне в дальнейшем чудилось это препятствие между нами: не враждебность, а какое-то глубинное непонимание, разница миров. И все же, несмотря на это, наше давнее доверие никуда не делось.

— Сложно было представить, что наступит этот день...

Отец Флетчер позвал нас за стол. Мы с Карлом сели рядом.

— Расскажи, — спросил отец Флетчер, — как ты нашел нашу Даману?

— Думаю, она сама все расскажет лучше, — мягко ответил Карл, бросив на меня ободряющий взгляд.

— Святой отец, — начала я. — Я могу рассказать, что со мной произошло и каков был мой путь. И я хочу это сделать. Но... Многое произошло без моего участия. Все думают, что я пропала без вести или умерла...

Повисло молчание.

— Видимо, сегодня рассказывать будешь не только ты, — проговорил Уэйн.

— У нас тоже есть поразительная история для тебя, — подтвердил мой крестный. — Но она тебя может напугать, поэтому начни первой.

Я слотнула и начала:

— После смерти отца мы с мамой все продали и переехали. Поселились в квартире в жалком квартале. Влачили жалкое существование. Мама запрещала мне выходить на улицу. Сама пыталась работать. Но... Словом — она спилась... Видимо, с горя. Четырнадцатого октября 1765 года мама умерла. Меня отправили в приют. Обращались со мной как с вещью. Никому даже в голову не приходило, что я графиня. Хотя называли меня Даманой. Предпочитали шутить, что я всего лишь ее однофамилица.

Мои слушатели кивнули, а я готовилась к самому волнительному повороту:

— Из приюта я бежала... Думаю, вы знаете эту историю.

— Убив человека? — перебил меня отец Флетчер.

В этот миг я решилась: чтобы выжить, нужно солгать. И плевать на святыни в этой комнате. Я притворилась несправедливо обвиненной:

— Я никого не убивала! Это жестокая клевета! Я просто решила сбежать. Украла свои документы — единственное, что напоминало мне о прежней жизни. Через забор перелезть не смогла — слишком высокий. Тогда я рискнула пробраться через главные ворота. В сторожке нашла ключи, открыла их, а потом закрыла снаружи, чтобы задержать погоню хоть на минуту. Я не знаю, что случилось после моего побега... Но, видимо, он оказался кому-то на руку — чтобы свалить на меня чужое преступление.

— Вот оно что... — задумчиво протянул священник, и в глазах его мелькнуло понимание. — Продолжай, прошу тебя.

Получилось!

— Я сбежала, оказалась на свободе. Это было в 1770 году. Выбросила ключи, брела вдоль дороги, не зная, куда идти. Вдруг мимо проехал кеб — так я и познакомилась с Карлом.

— Я кебмен, — пояснил Карл.

— Все это время я скрывалась в доме его матери. Поначалу я не раскрывала правды — назвалась Элизабет Тейчер. Но однажды нагрянула полиция: они искали ту самую малолетнюю убийцу. Миссис Норрис и Карл, даже не подозревая, что я — графиня, укрыли меня. Чувствуя их искреннюю доброту, я решилась открыть правду, — я с благодарностью посмотрела на Карла. — Все эти годы я жила под защитой семьи Норрис, и я им бесконечно обязана.

— Но почему вы поверили незнакомке, что она дочь Брустера? — спросил Флетчер у Карла.

— Все указывало на то, — ответил Карл. — К тому же мы с Даманой позже поехали в квартиру...

— Где жили мы с мамой, — добавила я.

— И там были доказательства вполне убедительные. Портреты, личные вещи, семейные ценности.

Оба священника переглянулись. Похоже, я запутала их окончательно.

— Почему ты появилась только сейчас? — настойчиво спросил Уэйн, вглядываясь в мое лицо. — Почему не вернулась раньше?

— Потому что теперь я готова, — твердо ответила я, выпрямившись.

— К чему? — не унимался он.

— Ко всему, чего так долго жаждала: к правде, к возвращению своего титула... и, возможно, к возмездию, — в моем голосе прозвучала сталь.

— Не горячись, дочь моя, — мягко остановил меня отец Флетчер, положив руку мне на плечо. — Лучше ответь, что ты еще знаешь о матери?

— Больше ничего. А у вас есть что мне рассказать?

— Всею свое время. А что ты знаешь об отце?

— Он умер от болезни. Так мне говорили в детстве.

— Нам нужно тебе кое-что показать, — проговорил отец Флетчер, встав из-за стола. — Пойдемте.

Мы с Карлом последовали за моим крестным, Уэйн шел за нами. Пройдя вдоль комнаты, мы попали в узкий коридор. Наружу вела стеклянная дверь с узорами из дерева, напоминающими те, что бывают на щитах у рыцарей. Миновав ее, мы вышли в место, объединяющее мир живых и мертвых: на кладбище, большое и ухоженное, окруженное низким забором. Вокруг возвышались статуи и надгробия разных размеров и красот. Здесь хоронили выдающихся людей. В мрачном окружении я почувствовала себя уютнее, чем в святой обители.

Мы миновали маленькую кованую калитку и свернули направо, затем, спустя несколько шагов, — налево. Мимо неспешно проплывали надгробия знатных особ, чьи имена когда-то гремели по всей стране. Я видела фамилии людей, о которых слышала, а некоторых знала лично. Около одной из могил я прочла вслух:

— Мистер Кук...

Уэйн, Карл и отец Флетчер остановились.

— Он часто бывал в вашем доме, — констатировал Уэйн.

— Я не знала, — потрясенно промолвила я. — Сколько ему было?

— Пятьдесят семь.

— А ведь он прекрасно пел...

— Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего, — успокоил меня отец Флетчер, но я не утешилась. — Нам чуть дальше...

Мы добрались до дальнего края кладбища. И тут я увидела...

Меня будто холодной водой окатили. Сердце забилося чаще, словно хотело выпрыгнуть из груди. Кровь прилила к голове с такой силой, что в ушах зазвучал гулкий ритм пульса. Он сметал мысли, гасил мечты, вытравливал чувства. А взамен оставил лишь пустоты и гору черных камней, что тянули меня ко дну черной воды самого глубокого океана.

...Я увидела статую изящной женщины. Моей матери.

Меня охватило непреодолимое желание рухнуть на колени перед ней. Ноги уже были готовы подкоситься, а на глазах образовались крупные тяжелые слезы. Я едва сдерживалась, чтобы не дать волю слабости, но в последний момент стиснула зубы и, глубоко вдохнув, гордо расправила плечи.

Карл не сразу понял, что произошло. А когда прочитал имя захороненной женщины, положил руки мне на плечи, чтобы успокоить.

— Да, — проговорил крестный. — Это тяжело.

— Я не знала, где мама похоронена, — сказала я.

Вдруг я почувствовала, как руки Карла потяжелели и соскользнули с моих плеч. Он сделал несколько шагов к могиле справа от маминой. Надгробие скрывали ветви кустов. Карл присел на корточки, аккуратно отодвинул их и опешил:

— Что это значит?

Священники безмолвствовали. Уэйн опустил голову, избегая моего взгляда. Я почувствовала: ему больно, словно он вот-вот будет вынужден оправдываться за что-то, чего не совершал. Карл медленно встал и отошел в сторону от надгробия, на котором я прочитала: «Дамана Брустер. 1753—1765».

— Объясните! — потребовала я, и мой голос прозвучал резче, чем я ожидала.

— Могила пуста, — начал отец Флетчер. — Мы это сделали по просьбе вашей мамы...

— Как церковь пошла на такое? — возмутился Карл.

— Ложь во спасение порой равносильна правде.

— Но правда в том, что я жива! Как это понимать?

Святой отец молчал. Я не сводила с него злых глаз. Почувствовала ненависть к олицетворению Бога, моему крестному.

— Я знал, что не стоит пускаться на эту авантюру... И всячески пытался отговорить твою мать... Может, мы побеседуем внутри?

— Нет, — отрезала я. — Чем плохо это место?

— Спустя несколько месяцев после смерти твоего отца ко мне пришла леди Сьюзер. Она была очень озабочена, во взгляде читался страх... Будто ее душа хотела вырваться из тела. Но Милли из последних сил хваталась за жизнь. На мои расспросы, что происходит, не отвечала. Судьба жестоко обошлась с твоей матерью, но она держалась. Она попросила меня об одолжении: если с ней что-то случится, спустя несколько недель нужно якобы похоронить...

тебя. Я спросил: что может произойти? Ответа не получил. Милли нужно было обещание — и я не смог отказать. Она боялась, очень сильно...

— Чего? — спросила я.

— Смерти. И что ты, Дамана, умрешь следом. Попросив нас похоронить пустой гроб, мать спасла тебя.

— Отправив в приют? А не надежнее ли было отдать меня кому-то из друзей на попечение?..

— Видимо, нет.

Повисло молчание.

Я стояла, пытаюсь осмыслить услышанное, но мысли путались. В голове вертелось: почему? Зачем? Почему мать выбрала такой путь? Почему каждое мое открытие становится потрясением?..

— Что еще вы готовы мне рассказать? — с неким сарказмом спросила я священников.

— Твоя мама, — продолжал отец Флетчер, — выбрала приют подальше от столицы, в глуши, где никто не стал бы тебя искать. От документов, где фигурируют твои родители, Милли избавилась. В приют тебя забрали просто с великой фамилией и именем. Так же она заранее позаботилась о твоём свидетельстве о смерти...

— Словом, подделала бумаги?

— Словом, да. Чтобы в твоей смерти не усомнились.

— А что по этому поводу думает его величество? — резко спросила я. — Он превратил мой дом в музейный экспонат, словно мы с матерью — ветошь прошлого!

— Король Эгберт искренне скорбел, когда умер Джордж, — тихо ответил священник. — Твоя мама отчаянно старалась, раз даже королевская гвардия вас не нашла. Для всех вы с матерью просто... исчезли.

— Пропали без вести? — тихо произнесла я, вспоминая, что и такие слухи были.

— Да.

— Кто вообще знал правду? — вмешался Карл, и в его голосе прозвучало напряжение.

— Только мы, — отец Флетчер указал на себя и Уэйна. — Больше никто. — После смерти Джорджа я видел Милли лишь на похоронах да еще пару раз после них, — продолжил отец Флетчер, и голос его дрогнул. — А тебя, Дамана, иногда встречал в приюте. Я навещал сирот, но к тебе не подходил — наблюдал издалека. Другие дети тянулись ко мне, искали утешения, а ты... ты словно возвела вокруг себя стену. Не замечала ни меня, ни других священников.

— Так это были вы... — прошептала я, и в груди вспыхнула горькая обида.

— Я же, — вступил в разговор Уэйн, — после смерти твоего отца ни разу тебя не видел.

— Вы знали, где я нахожусь! Вы позволили, чтобы в приюте надо мной издевались?

— А что я мог сделать? — оправдывался отец Флетчер.

— Рассказать все гораздо раньше!

— Дамана, дорогая...

— Меня втапывали в грязь, мне так не хватало помощи!

— Я был бессилён... Во-первых, твоя мама считала, что так будет лучше. Во-вторых, ты отталкивала всех, кто к тебе приближался даже с добрыми намерениями.

— Господи боже, — на выдохе произнес Карл после небольшого молчания.

— Сейчас не время молиться, Карл, — съязвила я.

Отец Флетчер посмотрел на меня, будто я оскорбила его родного. Я поникла с обидой, словно обвиняя весь мир, и подошла ближе к своей могиле. Она может стать серьезной помехой к моему возвращению...

— Даже в детстве, — холодно заметил крестный, задетый моими словами, — ты не любила слов и деяний Божьих. Я говорил твоим родителям: она не будет верить, станет отри-

цать христианство, если не привести тебя в монастырскую школу. И вот теперь я вижу — я оказался прав... дочь моя...

Я подняла голову. Голос крестного остудил мой пыл. Не нужна моя ирония здесь и сейчас. Стыдно. Я решила объясниться:

— Крестный... Простите! Но вы должны понять мои чувства. Я мертва — и вроде не мертва. Больше жива, конечно. И не хочу, чтобы каждый падал в обморок или смотрел на меня, как на призрака. Я просто вне себя... А насчет Бога, я верю в него. Он есть. И после моей настоящей смерти я с радостью отправлюсь на его суд. И мне не так важно, куда он меня отправит, в рай, чистилище или ад... Главное — посмотреть в глаза Богу! Вдруг ему станет стыдно, как и мне сейчас...

У Уэйна округлились глаза. Карл, привыкший к моим выпадам, просто потирал лоб. Отец Флетчер остался спокоен. Наверное, ему не впервой видеть человека, который разочаровался в Божьих деяниях. Мои слова его не удивили.

— Одно не понимаю. Вы знали, что я жива. Тогда почему мое появление вас так потрясло?

— Ты пропала из приюта, — объяснил Уэйн. — Мы потеряли возможность наблюдать за тобой. Даже разговаривали с руководством детдома, следили за ходом расследования. А позже нашли труп девушки по имени Дамана...

— Совпадение? — предположила я.

— Возможно, — отозвался крестный. — Я смог пройти в морг и видел тело. Рост, формы, длина волос, одежда — казенная, приютская! Но лицо девушки обезобразили отеки и побои, поэтому я не мог опознать, ты это или нет. Потом и газеты замолчали... Молитвы не помогали, и мы с Уэйном потеряли надежду увидеть тебя вновь. Но Бог помог, и ты оказалась здесь!

— Боюсь, не Он меня ведет, а другие силы, — сказала я.

— Что это значит? — Уэйн был озадачен.

— Бог — добродетель, а я наполнена не самыми благими намерениями. Во мне столько гнева, Уэйн!

Все замолчали. Мне было все равно, что они думают. В голове крутились вопросы, один мучительнее другого: где мое место в этом мире? Как жить дальше? Продолжать притворяться мертвой или восстать из небытия для тех, кто верит в мою смерть? Ответ был очевиден — я должна воскреснуть. Но как? По примеру Христа? Отодвинуть могильный камень, выйти из темноты, чтобы весь мир признал: я жива? Чтобы все увидели, что я больше не жертва, а та, кто вернет себе свое имя, титул, судьбу?

Мы вернулись в комнату со свечами и иконами. Мои собеседники сидели по ее углам, я стояла в центре. Хотя «стояла» — это неверно сказано. Я металась из стороны в сторону.

— Давайте подведем итог. У меня умер отец, почему — неизвестно. Следом исчезает мать. Вопрос: зачем? Она чего-то боялась. С какой стати? Ведь она находилась под защитой короля! Шантаж?.. Скорее всего, человека, не менее влиятельного, чем мой род. Мама скрывается, стирая свое имя и мое. Умирает в позоре, якобы забирая на небо и меня... Но на самом деле я в приюте. Потом побег. Теперь я пришла сюда получить ответы на вопросы. Не скрою, я их получила. Но, как обычно со мной бывает, на их место пришли другие вопросы.

Все молча кивнули.

— Святой отец! Я в отчаянии... У меня ничего не осталось, я потеряла все. Я одна, у меня почти никого нет. А тех, кого обрела, боюсь потерять. Это очень больно. Мне нужна ваша помощь!

— Я помогу тебе, дочь моя. Но ты настолько зла... Боюсь, что после моей помощи ты, словно зверь, выпущенный из клетки, уничтожишь любого, кто встанет на твоём пути.

— Разве лучше, чтобы этот зверь умер в неволе?

— Я рассчитываю на твоё благоразумие, поэтому я помогу тебе во всем.

Мой крестный — хороший, искренний человек. Я погрязла во лжи... По правде сказать, я уже путаюсь, кому что соврала. Смотря на любого собеседника, туго вспоминаю, в какую легенду обо мне он посвящен. Отец Флетчер верил в мое благоразумие — но я ему ничего не обещала... Этим я оправдываюсь перед ним до сих пор.

— Вы что-нибудь знаете про нашего дворецкого, Джима Леджера? — спросила я. — Он жив?

— Да, — ответил крестный.

— Хоть одна хорошая новость!

— Какое-то время я с ним переписывался. Он жил в столице, мы вместе искали вас с матерью. Но через полгода он уехал, потерял надежду...

— Мистер Леджер?.. — удивилась я. — Не может быть!

— Он сам мне писал об этом.

— Я не верю, что он так быстро нас похоронил... Полгода... Это случилось, когда исчезла мама?

— Именно. Джим переехал, и связи с ним оборвались. По слухам, он стал фермером, отшельником.

— И где он?

— Увы, не имею ни малейшего понятия. Уже четыре года от него нет никаких вестей.

— Но почему вы уверены, что он жив? — вмешался Карл.

— Мы регулярно проверяем все некрологи. О смерти дворецкого семьи Брустеров мне бы непременно доложили.

— Нужно найти мистера Леджера, — подвела я итог. — Но вначале — найти мое имя. Тогда и наш дворецкий отыщет меня.

После встречи с отцом Флетчером и Уэйном Карл вернулся на работу, а я — в общежитие. Вечером ко мне в гости заглянул Питер. Я ему была рада.

Прошло больше года с момента нашей первой запретной близости. За прошедшее время мы повторили это дважды. Не обсуждая с Питером, пришли к единому мнению, что так и будем сопротивляться ежедневному соблазну. Потому что это неправильно, так не должно происходить у «нормальных» людей! И только в вехи оголенной слабости, когда скука и тяга готовы были уже просачиваться через кожу, мы давали себе послабления. Возможно, из-за томительных ожиданий, окутывающих чувств, каждый наш раз был всепоглощающим настолько, что даже совесть безропотно отступала.

При этом я считала, что Карл в постели обладал мною виртуознее...

«Ну, как такое возможно?»...

В этот вечер между мной и Питом ничего не произошло. Он сразу заметил, что я погружена в тяжелые мысли, напряжена, не настроена на ласки. Да и не обязательно Ричардс за ней пришел. Часто так бывало, что нам было достаточно просто общества друг друга. Будто, чтобы набраться сил, вдохновения и налюбоваться излучающей энергией. Не обязательно было брать грех на душу. Бывало, как сегодня, даже не обнимались.

Каждая встреча с Питером наполняла меня страхом и смятением. Я все время ждала, что Карл рано или поздно обо всем узнает — и тогда я предстану перед ним во всей своей «гнусности». Но даже понимая это, я была готова рисковать ради Питера. Я сама в себе разочаровывалась, но какая-то дьявольская сила неумолимо тянула меня к нему — и его ко мне.

Эти отношения хочется накрыть льняным саваном и похоронить. Но погребальное покрывало становилось чистой простыней для мужчины и женщины, чьи прикосновения и помыслы друг к другу не казались похотливыми...

«Я — падшая».

6 ноября 1774 года. Понедельник

Около часа дня я закончила занятия с учениками. В это же время проснулся Карл. Он выглядел таким трогательным: взлохмаченные волосы, заспанные глаза — совсем как маленький мальчик. В груди защемило от несправедливости: пока я беседовала с Питером, Карл трудился до изнеможения на какой-то неблагодарной работе, едва ли достойной его талантов.

День не предвещал ничего интересного. Но — неожиданный поворот событий!

Мы с Карлом вернулись с прогулки — если можно так назвать унылое блуждание под ноябрьским дождем. Меня никогда не прельщало прыгать по лужам. И если бы Карл не любил столицу, я бы ее ненавидела. Раньше я к нему сносно относилась, но с годами все больше понимала, что не переносу дождь.

Зайдя в дом, мы переглянулись. Было тихо, что-то изменилось.

— Мам! — крикнул Карл, но никто не появился.

Он помог мне снять пальто, и мы двинулись вглубь дома. Дверь в комнату миссис Норрис была закрыта, из-за нее доносились приглушенные голоса. В памяти тут же всплыл образ наглого сборщика долгов — видимо, Карл подумал о том же. Его лицо напряглось, он решительно шагнул вперед и рывком распахнул дверь, готовый защитить мать. Мы увидели накрытый стол и миссис Норрис. Она подавала вилку моему крестному.

— Вот это сюрприз! — улыбнулась я.

Уэйн тут же поднялся из-за стола, учтиво приветствуя нас с Карлом. Отец Флетчер остался на месте — он всегда осознавал свое положение, но это никогда не мешало ему относиться к людям с искренним участием, будь то праведник или грешник.

— Здравствуйте, — сказал отец Флетчер.

А я немного забылась и кокетливо подмигнула Флетчеру-младшему. Это, наверняка, выглядело немного вульгарно. Сначала Уэйн смутился, но потом ответил милой улыбкой. Мы сели за стол и присоединились к трапезе.

— Миссис Норрис, — начал мой крестный с теплой улыбкой, — вы поистине добрая хозяйка. Спасибо вам за этот прием. Теперь я понимаю, в кого пошел ваш сын — в вас.

— Ну что вы, — скромно улыбнулась миссис Норрис, слегка покраснев. — Таких гостей иначе и нельзя встречать.

— Дамана, миссис Норрис рассказала нам, как ты жила здесь. Я понял, что ты была тут счастлива.

— Надеюсь, что и буду, — я нежно посмотрела на Карла.

— Конечно, — подтвердила миссис Норрис, перекрестившись. — Этот дом под защитой Господа. Он бережет нас от любых напастей. Представьте, нас чуть не выселили — мы не могли выплатить аренду... Но случилось настоящее чудо!

— О каком чуде вы говорите? — заинтересованно спросил Уэйн.

— Нас хотели выселить: мы не могли выплатить аренду. Но наши долги утерjali, поэтому нам их простили, еще нам отдали землю, на которой стоит дом. Ну разве это не божественная благодать?!

Миссис Норрис рассказывала о «чуде» с таким восторгом, что только такой же набожный человек, как она, поверил бы хозяйке. Закончив рассказ, она подхватила со стола блюдо и направилась на кухню, оставив нас наедине.

Крестный отец и Уэйн посмотрели на меня. Они служители Бога, а не религиозные фанатики, поэтому все прекрасно понимали и взглядом просили подтверждения своим догадкам.

— Бог наш милосерден, — сказала я, не скрывая иронии. — Не так ли?

Отец Флетчер кивнул:

— Так написано в Библии. У нас нет причин сомневаться... И то, что ты сделала, только убеждает в этом.

— Что? — возмущенно и удивленно спросила я.

— Бог прислал тебя в эту семью, и ты, Дамана, помогла ей. Бог милосерден, а Иисус — наш спаситель.

Крестный хитро и довольно улыбался, что выглядело странным для священнослужителя. Потом посмотрела на Карла: оказывается, он широко улыбался, а поймав мой взгляд, даже посмеялся:

— Не смотри на меня так, я согласен с каждым словом аббата Флетчера.

Реакция Карла только больше раззадорила меня:

— Однако это решение зависело от человека, а не от Бога.

— Только глупец ждет руки Господа в прямом смысле слова. Бог не действует сам, он помогает через кого-то. И сейчас он выбрал тебя.

— Не понимаю, почему он помогает не всем? Милосердный Бог оставил ребенка на произвол судьбы...

Крестный отец уже не пугался моих слов:

— Когда я тебя крестил, что-то подсказывало мне, что ты все равно не уверуешь. И сейчас ты поступаешь как ребенок, который способен только издали грозить взрослому. То есть религии.

— Зато я осталась в памяти.

Я, готовая праздновать победу, увидела улыбку отца Флетчера. Необычную улыбку. В ней столько хитрости и самоуверенности.

— Осталась. Но священный ритуал не изменила.

— Я верю в Бога! — перебила я его, почти возмущившись.

— Но не так, как следует. У тебя есть причины более не доверять Богу, разочаровываться в нем. Но ты ведь счастлива здесь, не так ли?

— Да! Но, возможно, мне дьявольски повезло...

На этой фразе наша беседа прервалась: вернулась миссис Норрис. И хорошо, а то я сама начала чувствовать, что быюсь, как карась на берегу. Хотя, конечно же, ни за что не призналась бы... Крестный отец не посмотрел на хозяйку, он смотрел на меня, словно пытаясь что-то разглядеть в моей душе.

Ближе к вечеру мы провожали крестного и Уэйна. У дома их ждала карета. Попрощавшись, миссис Норрис и Карл поднялись к входной двери, а я увидела, как отец Флетчер движением руки подзывает меня. Я быстро подошла. Крестный положил мне руку на затылок, потянул мою голову к себе, нежно коснулся губами лба и прошептал:

— Тебе больно, Дамана, я знаю... Но не пускай дьявола в свое сердце, гони его! Он борется за твою душу, не позволяй ему победить — ты ведь сильная, по-другому не может быть! Я и Уэйн поможем тебе, это будет лучшим подтверждением того, что Бог не покинул тебя...

Вне времени

После того вечера я стала все чаще навещать крестного. С каждой встречей он становился мне все более близким и родным человеком. Наверное, я словно искала себе родителей вне семьи, которой не осталось: ни близких родственников, ни дальних. Миссис Норрис стала для меня мамой, отец Флетчер — отцом, а Уэйн — братом. А в Карле я увидела прекрасного мужа.

Первого декабря отец Флетчер пригласил меня на встречу в церкви. Я приехала в строго назначенное время, в полпятого была у могилы мамы.

Святой отец уже стоял там, когда я подходила с цветами. Я положила букет к ногам статуи, перекрестилась и поздоровалась с мамой. Потом глянула на крестного. Он смотрел на церковь, что утопала в сумраке, с гордостью, словно на дочь, вырастившую умного внука. В его глазах читалась тихая радость и глубокая вера.

Спорить я люблю, но никогда не пойду поперек очевидному. Церковь в это время завораживала: красивая и такая умиротворяющая. Она всегда словно отражение жизни. Если грозят козни или грядет война, церковь, словно человек, сломится. Боль утраты близкого человека угнетает, а церковь скорбит обо всех погибших... Ни у одного заведения нет такой души, как та, что живет в церквях. Дома, трактиры, постоялые дворы перенимают облик владельца. А в церквях живут души всех живых и погибших людей. Здесь человек находит спокойствие. Значит, хороших людей на свете больше... Так должно быть.

Все, что я написала, — правда, я это чувствую. Но не могу принять церковь как нечто заветное. Мне, несмотря на ее красоту, легче отвернуться, чем переступить ее порог...

1 декабря 1774 года. Пятница

— Красиво, правда? — тихо спросил крестный, глядя на игру закатных лучей на фасаде церкви.

— И вам здравствуйте, — пошутила я.

— Здравствуй, дочь...

Отец Флетчер улыбнулся, быстро посмотрел мне в глаза и перевел взгляд на статую моей матери.

— А то, что и она красива, ты не будешь отрицать?

Святой отец тоже шутил, и было приятно от ненавязчивой обстановки.

— Я и не спорила, что церковь красива. А моя мама вообще под сомнение не ставится!

— Никогда эта могила не была так украшена... Ты ее усыпала цветами...

— Мама заслужила это. И если любишь человека, его можно сделать счастливым, а если человек счастлив, то он сияет изнутри. Со статуей это сложно сделать, но я стараюсь...

— Милли это ценит, я знаю. Как и то, что она любила тебя и оберегала. Но сейчас она в лучшем мире с мужем.

— Осталось мне к ним присоединиться, — вырвалось у меня.

Это прозвучало как неудачная шутка. Отец Флетчер резко вскинул брови, в его взгляде мелькнуло беспокойство.

— Дамана, — голос крестного стал серьезнее, — ты выросла доброй, отзывчивой — все это ты переняла от родителей. Но доброта твоя избирательна. Ты добра лишь с теми, кого впустила в свое сердце. А тем, кто вставал, встает или еще встанет на твоём пути... с ними ты беспощадна. Твой вспыльчивый нрав может привести к опрометчивым поступкам, к беде. Потому я порой задаюсь вопросом: стоит ли помогать тебе? Если ты вернешь себе законное звание, обрешь власть — твои силы многократно возрастут.

Я слушала крестного, затаив дыхание, и пыталась понять, к чему он ведет. Отец Флетчер замолчал, погружившись в раздумья, затем поднял на меня взгляд, полный внутренней борьбы.

— Но ты должна идти туда, куда ведет тебя Господь, — произнес он твердо, но в голосе звучала тревога. — Я в смятении, Дамана. Я не знаю, что нас ждет впереди, но ты достойна этого пути, ты обязана его пройти. Твой отец готовил тебя к нему. Ты так похожа на него — не только чертами лица, но и силой духа. Я обещал ему, крестив тебя, я обещал тебе...

— Что вы задумали?

Крестный глубоко вздохнул и осторожно положил ладони на мои плечи — едва касаясь, словно боялся спугнуть.

— Глаза у тебя удивительные, — тихо произнес он. — Умные, чистые, жаждущие знаний... Но в них же мелькает что-то лукавое, порой даже злое.

— Я тоже придаю значение глазам, — попыталась я улыбнуться, но голос дрогнул.

— Они говорят больше, чем слова, — серьезно ответил он. — Во взгляде твоём я вижу что-то, что меня настораживает и даже пугает. Возможно, я возьму грех на душу, но не сдержат обещание — еще больший грех. Пятого декабря тебе исполнится двадцать один год. Ты уже взрослая, Дамана. Пришло время.

— Я слушаю, — прошептала я, чувствуя, как сердце забилося чаще.

— Седьмого декабря будет дан бал в честь бракосочетания лорда Нортона — младшего и его нынешней жены. Мой друг, отец Батлер, венчал их. Великолепное торжество. Туда приглашен и я. Я могу привести с собой двоих спутников. Это будешь ты и Карл...

— Зачем?

— Это шанс встретиться с теми, кто знал тебя прежде, и с теми, кому предстоит узнать, — пояснил отец Флетчер. — На балу будут король и его сын. Я даю тебе единственную воз-

можность проявить себя. Восприми ее как последний шанс. Если так предначертано судьбой — у тебя все получится. Если нет... что ж, значит, такова воля Провидения.

Я так долго ждала этого момента, думала, что новость меня не напугает. Но я ошибалась... Слова отца Флетчера бросили меня в дрожь. Мне стало страшно. Но спасовать? Нет, ни за что! Я боялась, но жаждала избавить общество и себя от открытого финала. Ах, какое волшебное волнение, самое замечательное чувство, когда долгожданная мечта вот-вот исполнится! И главное — я уверена в себе и в своем намерении.

Я, преисполненная благодарности, смотрела на крестного. И действительно, как говорил Карл, я приму помощь от служителя Бога.

— Спасибо вам, крестный! Я не упущу этой возможности и не подведу родителей! Но один вопрос... Где мне найти подходящую одежду?

— Я предполагал...

— У меня нет таких средств.

— Знаю, — улыбнулся святой отец. — Я найду тебе платье и костюм Карлу.

— Платье у меня есть: осталось от мамы. Его надо только немного подшить и декорировать. А вот Карл... Если у вас есть возможность, найдите ему костюм...

— Это должно тебя беспокоить меньше всего. Лучше подумай, как и что ты будешь делать на этом балу. И еще один важный момент, — крестный слегка нахмурился. — Я раньше не спрашивал, но скажи: знакома ли ты с этикетом? Знаешь ли правила обращения к титулованным особам, тонкости манер? И что насчет Карла — сможешь ли ты подготовить его?

— Иерархию и основные формы обращения я знаю, — уверенно ответила я. — Карла научить будет нетрудно: многое понимает интуитивно. Но вот тонкости этикета, правила наследования... К сожалению, меня не успели этому обучить.

— Не беда, — отец Флетчер ободряюще кивнул. — У нас еще есть время, чтобы освоить основные правила. Мы успеем подготовиться.

Крестный нежно поцеловал меня в лоб, на мгновение прижал к себе, словно благословляя, а затем развернулся и направился к храму.

Я осталась стоять между церковью и статуей матери, глядя ему вслед. Станные чувства нахлынули волной: страх перед грядущим, стыд за ложь, сказанную аббату, горечь от того, что все сложилось именно так. Я мечтала, чтобы судьба дала мне иной путь — без обмана, без необходимости являть циничность. Но я была скована своими целями, как цепями.

3 декабря 1774 года. Воскресенье

Я не пошла в церковь. Это уже никого не удивляло, но сейчас у меня действительно были неотложные дела: платье...

Несмотря на годы, оно не потеряло форму, а ткань осталась свежей, сочных цветов: светло-сиреневая, с мягким серебристым отливом. В мамином гардеробе это платье занимало почетное место, наверное, поэтому хранилось так долго. Значимая вещь. Надеюсь, оно принесет мне удачу. А, возможно, даже кем-то будет опознано.

Я задумала перешить его сама. Смело. Конечно, сейчас мне бы оченьгодились умения Эммы: она настоящая мастерица, ее руки творят чудеса. Но я не могла ей признаться, откуда у меня это платье — пришлось бы объяснять слишком многое.

В ее руках оно могло бы заиграть по-новому: стать современным, изысканным, подчеркнуть мой статус, напомнить всем, кто я есть на самом деле. Я видела ее работы — каждая строчка безупречна, каждая деталь продумана.

Маминому платью нужно было добавить несколько слоев ткани под подол — казалось бы, простая задача. Но я оказалась безрукой аристократкой...

В своей голове я постоянно избегала мыслей о приюте. Однако, остаюсь ему благодарна за образование, возможность читать и приобретенные навыки. Нас, девочек, обучали шитью и вышивке — монотонному, скучному занятию, которое я терпеть не могла, поэтому предпочитала труд на кухне. Но моих знаний в рукоделие оказалось достаточно, чтобы в салоне понять разницу между нитями для вышивания и для шитья.

Работа шла тяжело: минуты воодушевления сменялись приступами отчаяния, а уверенность в успехе тонула в ощущении полной беспомощности. Пальцы быстро устали, иглолка колола кожу, оставляя мелкие красные точки, а кончики пальцев ныли от напряжения.

Около шести часов в дверь постучали — это была миссис Норрис. Она вернулась со службы, успела приготовить ужин и теперь поднялась наверх, обеспокоенная тем, что я весь день не показывалась.

Хозяйка замерла на пороге, окинув взглядом картину: я сидела посреди хаоса из ниток, лоскутов ткани, иголок и булавок, с раскрасневшимися от усилий щеками и едва сдерживаемыми слезами. Она пыталась скрыть улыбку, но в глазах читалась искренняя жалость.

— Я пришила домашнее платье к бальному... — проскулила я и чуть не расплакалась от унижения. — И теперь не знаю, как распутать...

Меня совсем не утешало, что немногие хозяйки могут сравниться с миссис Норрис. А я не имею никаких шансов в подобном споре. А ведь моя мама прекрасно вышивала и хорошо шила.

— Возможно, шитье — не твоя сильная сторона, — сообщила миссис Норрис, подходя ко мне. — Но без самых простых знаний, — она говорила и разрезала ножницами шов между моим платьем и платьем мамы, — даже заплатку не пришьешь...

Домохозяйка освободила меня. В ее взгляде опять появилось что-то материнское. И нежность. Она не насмеялась, не показывала превосходство, а от чистого сердца предложила помощь. Но при условии, что платьем мы займемся после ужина.

А шитье оказалось не таким сложным, когда мне разжевали некоторые хитрости и пояснили, как и что делается. Я быстро учусь...

7 декабря 1774 года. Четверг

Неделя до бала тянулась как столетие. Но наконец я дождалась. Бал — сегодня...

Когда отец Флетчер рассказал мне свой план, я передала его Карлу. На следующий день мы поделились и с миссис Норрис. Все были рады, нервничали, но жаждали вечера седьмого декабря.

Когда я сообщила Карлу, что он будет сопровождать меня на балу, в его глазах мелькнула паника — такая явная, будто я только что сделала ему предложение руки и сердца. Но ответственности в явке на бал больше. Карлу нужно быть рядом со мной. Когда он рядом, я чувствую себя увереннее... Так странно: ведь он нервничает не меньше меня. Но Карл неплохо притворялся, будто все в порядке. Только я видела правду.

С каждым днем, что я принадлежу Карлу, я все сильнее понимаю, что люблю этого человека. И прекрасно знаю, что, если бы он так сильно не любил и не боялся меня потерять, я не смогла бы его ценить и быть рядом. Его любовь и поступки подпитывают мое чувство. Карл просто прекрасен. Столько времени прошло, столько всего случилось... И если сейчас меня спросят: «Как выглядит идеальный мужчина?», я без доли раздумий и сомнений представлю Карла и с восторженным счастьем произнесу его имя.

Вечер опустился на столицу и привел в мою душу тревогу и страх, сковал ее тисками. Я двигалась будто во сне, почти не понимая, что делаю. Соседи, конечно, заметили наше оживление, но мы лишь уклончиво отмалчивались на их расспросы:

— Может быть, когда-нибудь потом расскажем...

Миссис Норрис терпеливо помогала мне: надевала платье, застегивала украшения, укладывала волосы в сложную прическу. Наконец я вышла из ее уютной квартирки в бальном наряде — том самом, что был создан моими многострадальными руками.

На первом этаже меня ждали миссис Норрис, отец Флетчер и Карл. Первым делом я обратила внимание на своего кавалера. Он, одетый в хороший костюм, был безумно красив и статен. Так величественно может выглядеть только дворянин... Кровь Карла не была благородной. Однако его осанка и манеры могли убедить любого в обратном.

Да! Это большая честь, что Карл будет сопровождать меня. У него не было родословной, зато были достоинство, честь, сила духа — все, чтобы быть равным мне, а может, и выше. Но как донести до него эту истину? Как заставить поверить в собственную ценность?

Пока я оценивала своего спутника, остальные смотрели на меня. В глазах отца Флетчера читалось восхищение. Крестный в праздничном одеянии выглядел так же светло, как всегда.

— Я жду, когда ты предстанешь перед королем, — проговорил отец Флетчер. — Он будет неимоверно счастлив и горд за прекрасную дочь своего друга Джорджа Брустера... Тебе не хватает только одной детали.

Крестный протянул мне изящный веер — в тон платью, с тонкой росписью по краю. Я была тронута подарком. Не зная, как отблагодарить отца Флетчера, я мило улыбнулась и склонилась в глубоком реверансе. Затем я повернулась к Карлу. Он уже стоял справа от меня — прямой, собранный, с едва заметной улыбкой на губах. Я осторожно взяла его под руку, ощутив под ладонью твердость его предплечья.

— Что ж, — сказал крестный. — Пора отправляться.

— Да, — подхватила миссис Норрис, — пока никто не заметил. Скоро люди начнут возвращаться с работы, и тогда нас точно начнут расспрашивать...

Хозяйка мягко отстранила меня от Карла, взяла за плечи и заглянула в глаза.

— Дамана... — ее голос дрогнул. — Удачи! Я так хочу, чтобы у тебя все получилось. Ты это заслужила, милая.

— Спасибо, миссис Норрис, — я поцеловала хозяйку в щеку.

— Идите, с Богом, — прошептала она, крестя нас на прощание.

В карете мы с Карлом сидели рядом, крестный — напротив. Сердце мое трепетало, не хватало воздуха. И дело было не только в тугом корсете... Но сила воли делала свое дело, и я не подавала виду, что нервничаю.

— Кажется, будто тебе совсем не страшно, Дамана, — сказал отец Флетчер после долгого молчания. — Любой уже давно показал бы беспокойство.

— Как говорится, если ты никого не боишься, значит, ты самый страшный. Я боюсь, крестный... Очень. Просто это не повод останавливаться.

— Тогда успокой меня и скажи: что ты будешь делать?

— К сожалению, никакого плана нет, — улыбаясь, сказала я. — Но я наверняка что-нибудь придумаю на месте.

— Дай Бог...

«Нет, крестный. Не Бог дает мне силы...»

Отец Флетчер продолжил смотреть в окно, напряженно о чем-то думая. Я погладила Карла по руке, привлекая к себе внимание. Он наконец посмотрел на меня, оторвав окаменевший взгляд от стенки кареты. Я прошептала: «Спасибо». Карл серьезно и нежно ответил:

— Ты великолепна, Дамана... Дамана... Для меня будет сплошным удовольствием в скором времени изо дня в день называть тебя этим именем...

Карл поцеловал мне руку. Отец Флетчер смотрел на нас и улыбался. Наверное, ему было приятно видеть, как его крестница счастлива. И видеть, в кого она влюблена...

Дорогой читатель, я подвела тебя к самому волнующему моменту в жизни. Наша карета остановилась у центрального входа в замок лорда Норта. Мы специально опоздали на праздник и приехали одними из последних. Напряжение мое выросло до того, что я чуть ли не теряла сознание, лихорадочно обмахиваясь веером. Меня кидало в жар, в глазах темнело, я не чувствовала ног, рук...

Замок был великолепен: его каменные стены, подсвеченные мягким светом, казались крепостью из сказки. В каждом окне мерцали канделябры с тремя свечами — словно звезды. Солдаты в парадной форме бдительно охраняли покой почетных гостей лорда Норта. У центрального входа, под аркой, увитой плющом, два дворецких с безупречной выправкой встречали и провожали прибывающих аристократов.

— Столько людей... — задумчиво произнес крестный. — Но именно мы с тобой, Карл, привели сюда поистине почетного и самого желанного гостя. Разве это не чудесно?

— Да... Кто бы мог подумать, что со мной произойдет нечто подобное, — тихо ответил Карл и тревожно выдохнул, нервно сжимая край перчатки.

Карл тревожно выдохнул. Кто-то из прислуги открыл дверь кареты. Отец Флетчер посмотрел на меня и первым вышел наружу. Он был в привычной стихии. Конечно же, удивительно такое слышать о священнике. Но порой приходится подстраиваться под общество, чтобы добиться внимания. К тому же отец Флетчер был более свободолюбивым, нежели другие священники, в том числе и Уэйн. Мой крестный однажды сделал выбор в пользу церкви. Его же названный сын не знал другой жизни. И могу с уверенностью сказать, что Уэйн ни о чем не жалеет, а наоборот, благодарен отцу Флетчеру.

Дворецкий почтительно приветствовал моего крестного и Карла. Карл обернулся и посмотрел на меня: я все еще сидела в карете.

Моя очередь. Я встала. Мне далось это с большим трудом: дрожь в коленях мне не удалось унять. Карл протянул мне руку, и я аккуратно спустилась на дорожку, вымощенную камнем, гордо выпрямилась и высоко подняла голову.

И вдруг произошло нечто удивительное: словно древняя сила, дремлющая во мне, пробудилась. Ощущение было таким, будто ко мне вернулось давно утраченное нутро, спрятанное под слоями утрат.

Выпрямившись во весь рост, я почувствовала, как внутри разливается привычная уверенность. Взглядом я поблагодарила Карла за поддержку и повернулась к дворецкому. Он смотрел на меня как на ожившее творение живописца.

— Добрый вечер, миледи, — почтительно произнес он.

— Добрый вечер.

Мы поднимались по ступенькам к центральным дверям, когда Карл спросил у отца Флетчера:

— Выход удался?

— Весьма. У тебя отличные манеры.

— Отец научил. Меня всегда привлекали эти ритуалы.

У дверей нас встретил второй дворецкий:

— Аббат Флетчер, рады видеть. Лорд уже спрашивал о вас.

— К сожалению, мы опоздали.

— Ничего страшного. Могу я узнать, кто ваши спутники?

— Да, конечно. Это моя крестница и ее жених.

— Прошу, проходите.

Мы попали во дворец. Сколько тут гостей! Но в таком большом доме места всем хватало с лихвой. В большом бальном зале в танце кружили пары, стоял стол с закусками, слуги предлагали гостям напитки. Подошли и к нам. Я выбрала белое вино, Карл и отец Флетчер — красное. Мой крестный не переставал меня изумлять... Оглядываясь по сторонам, мы с Карлом не могли налюбоваться красотой здания. Большой оранжевый зал был оформлен в классическом стиле: на потолке — фрески со святыми и ангелочками, большие хрустальные люстры. И повсюду — роскошь в деталях.

Ощущения у меня были смутные, я словно бы спала... Все это так знакомо — золото, роскошь, элита, великолепная музыка, — но в то же время позабыто. Карл держался строго и спокойно, но был впечатлен. Он давно мечтал увидеть бал своими глазами, а не представлять его по моим рассказам.

Гости пребывали в прекрасном настроении. Мне с каждой минутой становилось все более приятно здесь находиться. Я почувствовала себя на своем месте. Это и есть мое место: в шике, в изысканности, в окружении джентльменов и леди.

— Надеюсь, я не проигрываю здешним дамочкам? — спросила я у Карла и у крестного.

— Дамана, — ответил отец Флетчер, — довольствуйся тем, что есть.

— Что вы! Я вовсе не жалуюсь!

— Хорошо... Ступайте, осматривайтесь. Действуй, дочь моя, но без глупостей. Я за тебя беспокоюсь!

— Спасибо.

Крестный отошел от нас с Карлом.

— Ты не просто не проигрываешь, — тихо произнес Карл, глядя мне в глаза. — Ты ослепительна. Когда я смотрю на тебя, сердце наполняется счастьем... Согласитесь ли вы, графиня Дамана Брустер, подарить мне первый танец?

Он отвесил изящный поклон и протянул руку — в его взгляде читалась такая искренняя нежность, что у меня перехватило дыхание.

— Для меня будет величайшей честью, — прошептала я, кладя ладонь на его руку.

Мы направились к центру зала, и с каждым шагом я ощущала, как волнение смешивается с радостью.

— Пусть я еще не признана официально графиней, — улыбнулась я, — но сегодня все изменится!

Мы танцевали. Смотрели друг другу в глаза. Мы вместе уже четыре года, и мне так приятна мысль, что романтика, любовь и трепетное отношение друг к другу не ушло: оно сопровождало нас до сих пор.

Почему-то именно сейчас, когда мы танцевали в большом бальном зале в окружении богатых и знатных вельмож и их дам, я стала обдумывать и вспоминать наши с Карлом отношения. Мне так хорошо! Карл рядом, я танцую с ним, он так трепетно ко мне относится. А как приятно от мысли, что Карл счастлив быть со мной...

— Хорошо, что Кейт научила нас танцам, — заметила я.

— Да, но я все равно себя нелепо чувствую...

— Почему? Ты же мечтал побывать на балу.

— Наверное, именно поэтому...

— Странно, — смутилась я, оглядевшись. — Тут столько народу, а смотрят почему-то именно на нас...

— Это вполне объяснимо, Дамана. В этом зале все друг друга знают. А мы — загадка для них, вот и все.

— Карл... Мы с тобой уже столько времени вместе, я хочу спросить тебя...

— О чем? Что-то не так?

— Нет, все прекрасно, возможно, мой вопрос неуместен... Но раз сегодня день откровений, то я хотела бы узнать...

Карл остановился, он занервничал. Взял меня за руки и, взглядываясь мне в глаза, спросил:

— Дамана, ты меня пугаешь... Что произошло?

— Нет, Карл, не волнуйся! Мы сломали строй танца... Давай продолжим.

Мы продолжили двигаться. Карл напрягся.

— Почему ты так со мной поступил, когда Салли вернулась в общежитие?

Карл глубоко выдохнул.

— Да, я знаю, — продолжила я, дабы пояснить, зачем затронула неприятную тему. — Мы с тобой это обсуждали, но всего один раз, да и то на эмоциях... С тех пор прошло много времени, и я хочу услышать правду — без обид, без обвинений. Она никак не повлияет на наши отношения. Просто я хочу знать, за что мой любимый так со мной обошелся?

— Я был так счастлив и удивлен, что ты больше не поднимала эту тему, — произнес Карл глухо, опустив голову. — Почему счастлив? Потому что мне до сих пор стыдно признаваться в правде... Я ненавижу себя за то, что сделал. Ненавижу!

— Расскажи мне, Карл, — мягко попросила я. — Пожалуйста.

Он поднял на меня глаза — в них читалось покаяние.

— Я испугался тебя, Дамана... Когда ко мне пришла настоящая любовь, я испугался ее силы. Еще до приезда Салли я начал думать, что нам, возможно, стоит расстаться.

— Расстаться? — я замерла, не веря своим ушам. — Но почему?

— Появление Салли мне сыграло на руку. Я был ей рад — это правда. И не только потому, что я не мог тебя бросить. Не мог набраться мужества сказать: между нами все кончено. Не мог и не хотел! Но мне казалось, что это необходимо. Я думал, если ты увидишь, как я нежен с Салли, то сама скажешь: прощай! Даже соврал, что мы были близки... Соврал. Я не изменял тебе. Я просто хотел с тобой расстаться, но твоими руками. Я омерзителен...

— Это не так, иначе я не была бы с тобой счастлива! Но, Карл... Почему ты хотел меня бросить? Все было хорошо. И ты вроде любил меня...

— Не вроде — любил! Любил всегда, люблю до сих пор! Как я счастлив, что буду любить тебя всю жизнь! Я ненавидел себя, но мне казалось, что так будет правильно и лучше для тебя...

— Ты не ответил на вопрос. Так почему?

— Потому что ты графиня... И вот это, — Карл оглядел бальный зал, — это твое, не мое. Я действительно во власти предрассудков. У меня до сих пор в голове слова Питера: «как ты с ней справишься?» Я думал, что, порвав с тобой, я избавлю от терзаний и тебя. Если ты вернешь титул, мы не сможем быть вместе. Не сможем сыграть свадьбу. Тебе, как никому, это известно... Но когда мы все-таки расстались, я понял, что натворил! Я не мог тебя отпустить, не мог так жить! Поэтому часто приходил к тебе... Якобы защищал Салли. И с ней я поступал некрасиво, можно сказать, использовал. Я слишком поздно понял, что пошел не по тому пути... А сейчас я на верном пути!

— На каком?

— На том, который говорит мне: если я отступлю сейчас, то буду недостоин леди Брустер. Но если я буду бороться за нее, если докажу, что достоин — тогда, и только тогда, моя совесть позволит мне любить и быть рядом! Когда встанет вопрос о разнице статусов, я найду способ его решить. Вот вся правда.

— Карл... — вздохнула я. — Я счастлива, что судьба меня свела с тобой! Это должно было случиться. Я очень люблю тебя!

— И я тебя!

— И если мне придется выбирать: прожить с тобой всю жизнь без титула графини или стать ею, но лишиться тебя, — предлагаю уйти отсюда! Я больше никогда не задумаюсь о роскошной жизни, лишь бы быть счастливой с тобой!

Карл поцеловал меня в лоб и в руку. Целовать в губы непозволительно в центре балного зала. Но как это было бы прекрасно!

— За что меня Бог так наградил? — спросил Карл. — Родная, я тебя люблю и исполню любой твой каприз. Но лишиться тебя титула и фамильных почестей, которые исключительно твои, а не зевак, любителей потаскаться по музеям? Нет, Дамана! Мы отсюда не уйдем, пока ты не сделаешь то, что должна. А я буду рядом — как опора.

Я улыбнулась в ответ. В своем предложении я не была абсолютно искренна. Заранее знала, что Карл ответит именно так — благородно, самоотверженно, ставя мои интересы выше своих. Так что вопрос открыт: кто из нас омерзителен?..

Мы продолжали танцевать, когда я заметила, что крестный отец беседует с какими-то тремя джентльменами. Я указала на них Карлу. Тот тоже не знал, кто это. Спросил у меня:

— А ты здесь вообще с кем-то знакома?

— Как сказать, Карл... Много времени прошло. Дети, с которыми я дружила, уже мои ровесники, вряд ли я смогу их узнать. А взрослых в нашем доме бывало столько, что сложно всех вспомнить. Но отца, виновника торжества, я не забыла. Вон он, возле окна, рядом с леди с веером и молодым человеком.

— Это лорд Норт?

— Да, старший. А вот его сына я почему-то не могу заметить.

— Наверное, для него и его молодой жены уготовлено феерическое появление. Может, хочешь отдохнуть?

— Хорошо. Давай отойдем ближе к зимнему саду.

Мы взяли себе еще по бокалу вина и, стоя в стороне, обсуждали красоту зала. Карл спросил, почему я ничего не предпринимаю. Я ответила, что хочу поймать момент, когда буду полностью готова. Сейчас полноценной уверенности в себе я еще не чувствовала. Нужно было привыкнуть к обстановке, войти в образ. Отец Флетчер поглядывал на нас издали, беспокоясь.

Прошло около получаса. Мы с Карлом продолжали беседовать, я стояла спиной к залу, наслаждаясь покоем зимнего сада. Вдруг я заметила, как изменилось выражение лица Карла. В зале повисла тишина.

— Боже мой, — проговорил Карл.

Так и есть. Это пришел человек, которого я безмерно рада видеть. Я улыбнулась и произнесла:

— Его Величество...

Король с женой и свитой, величавые, прекрасно и дорого одетые, шли по центру зала.

Эгберт, лицо королевства, был не самым красивым человеком, но его внешность не так важна: главное — как он держался в обществе. Что-то в монархе притягивало взгляд, возможно, его одежда или статус. Его жена Мария была одета в великолепнейшее платье, подол которого несла фрейлина. Эта женщина славилась своим добрым характером и чистыми намерениями. К тому же, была прекрасно образованна. У них было много детей, и старший, Стефан, также появился на празднике. Сын короля и королевы, прямой наследник. Он был похож на денди, был изысканным гурманом и прекрасно разбирался в изобразительном искусстве. Его считали высокомерным эгоистом, который не способен отличить важные дела от дел, интересующих исключительно его. Но я знала этого юношу, который был старше меня примерно на полгода. Конечно, много времени прошло, многое могло измениться, но мальчиком он был отзывчивым и неравнодушным к неприятностям, болезням или другим бедам.

— Я знал, что они появятся, — шепнул Карл, — но все равно не могу прийти в себя... Видеть монархов так близко!

Я улыбнулась своему спутнику. Его восторг мне показался детским. Видимо, потому, что я считала этих людей знакомыми. Монархи шли по центру зала, гости им кланялись, как и мы с Карлом. Меня очень взволновал Стефан. В раннем детстве он был пухленьким мальчиком, очень бойким и целеустремленным. Сейчас принц стал мужчиной. И не верилось, что когда-то я с ним играла у себя во дворе. Друг детства. Стефан улыбался, сиял, беседовал с гостями. А я издалека наблюдала за ним и чувствовала прилив сил.

Вскоре к монаршей чете почтительно приблизился лорд Норт. Обмен поклонами, вежливые улыбки, короткий разговор — видно было, что оба собеседника испытывают взаимное уважение. Гости вернулись к еде и танцам. Мы с Карлом молчали и смотрели на монархов.

Спустя какое-то время в зале произошло новое оживление. Карл оказался прав: новобрачные появились эффектно — на верхней площадке лестницы в глубине зала. Словно по некому сигналу, свет в помещении слегка приглушили. Но более ярким он остался около молодоженов. Они начали медленно спускаться, махая гостям и одаривая всех лучезарными улыбками. Их счастье было таким искренним, что зал откликнулся бурными аплодисментами. Гости устремились к молодоженам с поздравлениями — мы с Карлом терпеливо ждали, пока схлынет первый поток.

Тут я поняла, что такой шанс нельзя упускать.

— Карл, пора действовать.

— С удовольствием. Что будешь делать?

— Для начала мы поздравим новобрачных, немного с ними побеседуем. Потом разойдемся и постараемся завести новые знакомства.

Карл глубоко вдохнул, словно готовясь к прыжку, и решительно кивнул.

— Что ж, — сказала я, — тогда вперед, к успеху!

Я положила ладонь на согнутую в локте руку Карла. Мы прошлись вдоль ряда гостей. Я даже услышала чей-то женский голос: «А кто это?» Я старалась двигаться плавно, грациозно обмахиваясь веером. Заметила, как Карл кому-то подмигнул. Это был отец Флетчер, который наконец-то начал улыбаться.

Карл выглядел потрясюще и благородно. Он уверенно вел меня, высоко держал голову, а свободную руку убрал за спину, отчего выпрямился еще больше. Я мельком увидела наше отражение в зеркале и остановилась. Карл посмотрел туда же и обворожительно улыбнулся.

— Как будто это все происходит не со мной!

На удивление, мы с Карлом выглядели ничуть не хуже здешней публики, а по сравнению с некоторыми — даже лучше. Словно подобные балы для нас были неотъемлемой частью жизни. Мы смотрелись чудесно, оба были в образе... И как нам это нравилось! Мы восхищались и гордились собой! Тогда я пожалела, что родители не дожили до этого момента. Им бы наверняка понравился мой кавалер и то, как рядом с ним я расцвела...

Внезапно взгляд зацепился за фигуру на балконе — мне показалось, я узнала этого человека. Я резко обернулась, вглядываясь пристальнее. Карл замер рядом:

— Что случилось?

— Видишь того мужчину в сером костюме, что облокотился на перила?

— Да, вижу.

— Это герцог Роберт Блек, — мой голос звучал все жестче, и Карл, уловив перемену, насторожился.

— Где-то я о нем слышал...

— Заклятый враг моего отца. Единственный, кого отец ненавидел так люто — и не без причины. Сэр Блек не раз переходил ему дорогу.

— Что-то припоминаю... Разные слухи.

— Отца было непросто вывести из себя, но Блеку это удавалось. Однажды он явился к нам с обвинениями — бранился, сыпал проклятиями. Отец просил его уйти, но тщетно. В конце концов, после слов сэра Блека о том, что моя мать — потаскуха, а я — ублюдок, отец не выдержал: выхватил шпагу и, взмахнув ею, неприятно оцарапал живот Роберта...

— Я о таком даже не слышал...

— Конечно. Газеты молчали. Это позор для Блека, и на моего отца бросило бы тень. Я ненавижу его...

В этот момент Роберт Блек посмотрел вниз — видимо, почувствовал, что кто-то следит за ним. Мы столкнулись взглядами. Я глядела на него высокомерно, с вызовом, а Блек пытался понять, почему на него glareют. Я быстро поняла, что выбрала неправильную тактику. Опустила взгляд и, кокетливо улыбаясь, вновь покосилась на врага отца. Раскрыла веер и чуть склонила голову, здороваясь. Тут Блек слегка улыбнулся и тоже кивнул.

Пора было идти поздравлять новобрачных.

— Прекрасный вечер, господа, — проговорила я учтиво, дабы привлечь их внимание. Хозяева обернулись. В глазах у них была растерянность, но на устах — улыбки.

— Лорд Норт, — проговорила я.

— Мисс, — произнес лорд, целуя мою руку.

— Герцог Мейси, — продолжила я.

— Мисс, — он тоже поцеловал мне руку.

— Молодожены, — произнесла я, мило и искренне улыбаясь. — Примите наши поздравления и пожелания счастливых лет, здоровых и заботливых детей.

— Безусловно, я присоединяюсь, — проговорил Карл уверенно, когда я делала реверанс.

Карл почтительно склонил голову перед джентльменами. Я заметила, как наши собеседники переглянулись — казалось, они искренне удивлены, что столь учтивые особы до сих пор оставались им неизвестны.

— Для нас большая радость и честь — поздравлять вас в этот день, — обратилась я к новобрачным.

— Спасибо. Нам приятно слышать такие лестные слова, — ответил жених.

«А молодая жена разговаривает вообще?» — думала я про себя. Или, как часто бывает, она не способна быть большим, чем просто декор?

— Лорд, — добавил Карл, — вы устроили великолепный праздник. Очень приятно здесь находиться.

— Благодарю вас.

Они и представления не имели, с кем разговаривают. Но перестали держаться строго и надменно: наши с Карлом любезность и комплименты вызвали у них расположение.

— Как ваши дела, герцог? — спросила я. — Вы, я слышала, процветаете?

По правде сказать, я блефовала. Не знала, чем именно занят герцог Мейси.

— О да. Я не жалуюсь. Приятно, что молодая леди интересуется банковской деятельностью.

— Дай вам бог дальнейших успехов.

Герцог слегка склонил голову в благодарном кивке.

— К сожалению, — начал лорд, — я не могу припомнить ваше имя...

— Это совершенно неудивительно, — ухмыльнулась я.

— А, я сразу понял, что вы из других краев, — проговорил жених.

— Что, — спросил Карл шутливо, — по нам это заметно?

— Не в этом дело, сэр! Просто ваши лица незнакомы...

— Простите наше невежество, — извинился лорд.

— Вам не за что извиняться, — успокоила я хозяина. — К тому же вы правы. Мы действительно почти из другого мира.

Эти слова я произнесла нарочито загадочно. Я хотела добавить интриги, блеснуть таинственностью. Но, дорогой читатель, я уверена: нашим собеседникам пришлось по вкусу образы двух загадочных незнакомцев. Ведь тайна, как известно, всегда придает празднику особое очарование.

— Господа, — произнесла я. — Приятного вам вечера!

— И вам приятного вечера! Мы будем рады видеть вас снова.

Карл заложил руку за спину и склонился перед хозяевами. Мы медленно развернулись и удалились. Разговор прошел гладко и хорошо. Дальше мы, как и планировали, стали действовать порознь. Я дала Карлу совет деликатно и достойно уходить от вопросов, кто он и чем владеет. Вначале Карл отправился к отцу Флетчеру. К их беседе вскоре присоединились три молодых человека и две дамы. Одна из них даже, по-моему, заигрывала с Карлом. По крайней мере, мне издалека так показалось. Неудивительно, ведь он поистине красив и мужествен.

Я поднялась на второй этаж. У меня была цель, и я, как опасная львица, кралась к ней.

Блек по-прежнему стоял у перил, в гордом одиночестве потягивая виски. Он совсем не изменился: рыжие волосы, зеленые глаза, широкие скулы и массивные кисти рук. Невысокий, коренастый, холодный — немного старше моего отца. Во время разговора его лицо оставалось бесстрастным. Притворное равнодушие усыпляло бдительность, чтобы в самый неожиданный момент он мог нанести точный удар — словами или действиями. И что самое пугающее — порой без всякого повода. Блек наслаждался чужим страданием. Его не любили и частенько избегали, когда он не в настроении. Он почти всегда был один, даже находясь рядом с родственниками или знакомыми.

Блек заслужил репутацию злодея благодаря жажде наживы. Из всего он умел высосать деньги. Был женат, но деньги оставались его единственной любовью. Однако стоит отдать должное Роберту: хранил верность жене, хотя многие молоденькие барышни чуть ли не висли на нем. Он не красавец, но богат и влиятелен. И некий шарм позволял Блеку привлекать к себе женское внимание. Помимо алчности он обладал изысканной хитростью и умом. Настоящий злой гений.

И к этому опасному человеку я приближалась со спины.

Сначала я хотела его подтолкнуть. Вот бы он шмякнулся в центре зала, с треском ломая кости, а острые обломки ребер прорывают плоть... О, думаю, кое-кто бы даже поаплодировал. Но я быстро отбросила эту мысль — слишком грубо. Вместо этого я выбрала иную тактику. Мне нужно было поближе познакомиться с Блеком, изучить его. Я решила притвориться, будто не подозреваю о вражде между ним и моим отцом. Да, между ними случались разногласия, но

разве можно их избежать, когда два человека — политические оппоненты? Я должна хорошо изучить Блека: понять его слабости, предугадать ходы, сделать марионеткой.

Подойдя поближе, я нарисовала на лице улыбку и произнесла:

— Герцог...

Роберт обернулся и вопросительно посмотрел на меня.

— Добрый вечер, мисс, — ответил он невероятно жестким голосом.

— Добрый вечер. Я хотела бы извиниться за то, что позволила себе так пристально смотреть на вас.

— Что вы! Мне приятно внимание столь прелестной девушки.

— Спасибо, — поблагодарила я кокетливо. — Вы просто напомнили мне одного человека...

— Да что вы? Мы с ним так похожи?

Мое внимание явно льстило Блеку: он невольно перенял мой тон, его речь стала легкой.

— Более того, — сказала я томно, — это вы и есть. Поэтому я приветствовала вас улыбкой.

Я улыбнулась Блеку в очередной раз. А взглядом я его заманивала на нечто большее...

Дорогой читатель, Роберт никогда не изменял супруге. Но я вполне могла бы стать тем самым исключением... Опыт подсказывал: я умела очаровывать мужчин — порой они оказывались на удивление податливы, жаждали новизны. Этим можно и нужно пользоваться.

— Да что вы говорите? — спросил Блек заинтересовавшись. — Знаете... У вас такое знакомое лицо. Бьюсь об заклад, я вас где-то видел. Но не могу вспомнить, где. Точно знаю, что не произносил вашего имени...

— О герцог, — промурлыкала я. — Добрый мой герцог. Вы произносили мое имя. И не единожды.

— Я теряюсь в догадках... Подскажите, прошу!

Герцог не заигрывал со мной. Но в его поведении что-то изменилось: пропала жесткость, он охотно шел на беседу. И больше того — не хотел, чтобы я уходила.

— Ваша светлость, о вашем уме ходят великие легенды. И боюсь, если дам вам подсказку, вы тут же догадаетесь.

— Но я хочу вспомнить! Назовитесь!

— Разве не заманчивее остаться тайной? Хоть ненадолго...

— Я привык получать все и сразу.

— Неожиданно, верно? В жизни опять появился человек, способный сломать ваши планы.

— Почему «опять»? — насторожился Блек.

— Дочь моя! — раздался голос отца Флетчера: он стремительно подошел к нам.

— Крестный, — приветствовала я его поклоном.

— Крестный? — переспросил Блек, и его лицо потемнело. — У тебя была только одна крестница...

— Не считайте, что знаете все на свете, — отрезал святой отец. — Пойдем со мной, — обратился он ко мне.

— Мы еще увидимся? — спросил Блек.

— Обязательно, — мягко ответила я.

Крестный отвел меня подальше от Роберта, который, очевидно, стал догадываться, кто я. В священнике явно кипела то ли злость, то ли негодование. Мы дошли до другой стороны балкона, где было поменьше народу. Тут отец Флетчер развернул меня к себе и, внимательно смотря мне в глаза, спросил:

— Зачем ты с ним разговаривала?

— Мне было интересно.

— Он очень опасный человек! Ты знаешь...

— Как отец его ненавидел? Как герцог отзывался обо мне и о маме? Да! Знаю. Хотя я и была маленькая, но чувствовать уже умела. Как и подслушивать родительские разговоры...

— Тогда ты могла понять, что этот человек недостойн твоего общества!

— Крестный, — уверенно защищалась я. — Я просто сказала ему пару слов, он мне ответил. Я не позволю ему обмануть себя.

— Да хранит тебя Господь, Дамана! Ты кому-нибудь уже сказала, что ты — это ты?

— Нет. Ловлю более удачный момент.

— Хорошо, благословляю тебя!

Мой крестный крепко поцеловал меня в лоб и удалился.

Я подошла к перилам и взглянула вниз. В толпе было непросто отыскать Карла, но вскоре мой взгляд выхватил его фигуру. Карл стоял в обществе двух джентльменов, возле них на диване сидели две дамы, а на кресле — мужчина. Они беседовали все вместе. Причем Карл не просто стоял рядышком — он был центром рассказов и смеха. Дамы курили сигареты, господа — трубки и сигары. Карл пил и тоже затягивался сигарой.

Меня так поразила эта милая и неожиданная картина. Ведь он обычный кебмен, а в свете за несколько часов стал своим человеком, который нравится другим. Карл держался молодцом, и было сложно, почти невозможно заметить, что он нервничает.

Решив не мешать их разговору, я спустилась вниз за закусками. У стола две дамы лет сорока увлеченно обсуждали творчество древнегреческого драматурга Эсхила. Я незаметно присоединилась к беседе, напомнив о Софокле и Еврипиде. Диалог оживился: мы говорили о достоинствах античных авторов, сравнивали их произведения и даже пытались выбрать лучшего. Это оказалось не под силу — как и многим искусствоведам, — но беседа доставила нам удовольствие. А когда я смогла поддержать беседу о Пьере Корнеле и Жане Расине, женщины уже с подозрением покосились на меня. Женщин позвали супруги, и, казалось, они даже были этому рады.

Я ненадолго осталась в одиночестве. Через минуту ко мне подошли шестнадцатилетняя девушка, полноватая, но милая, и парень, мой ровесник, худой и не очень красивый. Словом, они неплохо дополняли друг друга.

— Здравствуй, — сказала мне девушка. Молодой человек уверенно поцеловал мою руку.

— Как мило. Здравствуйте.

— Не скроем, — начала девушка, — нас сюда привел тот же вопрос, что и все сейчас задают друг другу.

— Что это за вопрос?

— Он звучит так, — пояснил парень. — Кто эта милая девушка, то есть вы? И кто этот милый молодой человек, то есть вон тот юноша?

— Вы ведь пришли вместе, — заметила девушка.

— Да, дорогуша, — шутливо ответила я. — Он уже занят...

— Что вы! — ее лицо омрачилось.

— Ох, простите. Я сказала необдуманно. Вы, должно быть, помолвлены?

Юноша невольно скривился, а его спутница слегка отвернулась.

— Мы — брат и сестра, — спокойно пояснил молодой человек.

— Тогда прошу прощения вдвойне, — искренне произнесла я.

— Меня зовут Кристофер, а она Кристина. Мы дети герцога Блека. Вы наверняка о нем слышали.

Не знала, что у него были отпрыски... Странно: от детей Блека не исходило такой неприязни, как от их отца. Может, жена изменила ему? Единственный случай, когда это похвально. Потому что подобные Блеку люди не должны плодиться.

— Даже более того, — ответила я. — Я знакома с вашим отцом. Это не он случайно вас послал узнать, кто я?

— Нет, — ответил Блек-младший. — Просто у нас могли бы быть общие интересы. Нам хотелось познакомиться.

Забавно слышать об общих интересах от человека, чьего отца я в мыслях сбросила с балкона. Я улыбнулась, но объяснила это так:

— Да, весьма логично. Тогда расскажите, неужели это такая редкость, когда в обществе появляется новый человек?

— Новых людей, — ответила Кристина, — так или иначе, хоть кто-нибудь знает... А вас абсолютно все видят впервые. Это для нас новинка.

— Так как же вас зовут?

— Все действительно так жаждут узнать мое имя, как вы говорите?

— Да, — ответил Кристофер. — Зачем нам лгать или делать комплимент подобным образом?

— У любого поступка могут быть разные объяснения, порой даже самые невероятные. Как и объяснение, почему меня никто не узнает...

— А должны?

— Я бы сказала — обязаны. Но раз всем так любопытно, зачем я буду рассказывать каждому? Уж лучше всем и сразу. У меня есть замечательная возможность...

Я оглядела всех гостей, взяла бокал шампанского и прошла вдоль центра зала. Я направлялась к сцене, где сидели музыканты. Шла стремительно, без тени сомнения, зная, что делать. И как стала полностью уверенной в себе? Куда пропал мой страх, моя робость? Я шла, чтобы сделать то, о чем мечтала...

Не могу поверить, что это происходит на самом деле. Я мечтала о возвращении столько лет, а теперь цель близка, как никогда раньше. Я восхищалась и трепетала. Шла к сцене, чтобы во всеуслышание заявить о себе, сказать заветные слова: «Я — графиня Дамана Брустер...» Шла мимо людей, не обращая на них внимания. В голове не было плана, в ней была пустота, но тяжелая.

Когда я поднялась по ступенькам на сцену, ошеломленные музыканты стихли. А я, не теряя ни секунды, развернулась к гостям, держа в руках шампанское и веер. Хитро улыбнувшись, я гордо начала речь. Мой громкий голос слышал каждый:

— Уважаемые дамы и господа, леди и джентльмены! Простите мою дерзость!

Голоса затихли, никто даже не перешептывался, все до единого удивленно смотрели на меня.

— Господа, я еще раз прошу меня извинить.

Я сделала долгую паузу, давая гостям время переглянуться, перешептаться, гадать, что же будет дальше. Краем глаза я заметила Карла — он не отрывал от меня взгляда. Отец Флетчер, стоя на втором этаже, наблюдал за мной с затаенной надеждой. Постепенно голоса вновь стихли, и все внимание снова сосредоточилось на мне.

— Но, друзья мои, я не могу молчать. Я хочу от всего сердца поздравить виновников торжества — во всеуслышание! Разве не ради этого мы здесь собрались сегодня? Позвольте мне произнести тост! Прошу вас — наполните бокалы!

Все замешкались. Лорд Норт и Норт-младший, ничего не понимая, смотрели на меня.

— Ну что же вы? Давайте, наливайте!

Гости немного смущенно, но все же зашевелились. Некоторые даже заулыбались. Забегали слуги, разнося бокалы. Я немного подождала и продолжила:

— Тост! Однажды к любящей супружеской паре с небес спустился Ангел. И за их добрые дела и чистые сердца принес три величайших дара: здоровье, чтобы не быть подвластными болезням; мужество, чтобы с честью преодолевать трудности; и третий дар — счастье, чтобы

оказывали верные друзья. Супруги приняли дары, но не стали их открывать. Они ждали! И когда у них появился ребенок, родители отдали ему здоровье, мужество и счастье... И, возможно, именно в этом и заключался самый главный дар Ангела!

Гости сделали по глотку, раздались формальные аплодисменты. Но я не дала им времени успокоиться.

— Позвольте украсть еще минуту вашего внимания, — мой голос зазвучал тише, но отчетливо. — Вам ведь интересно, кто я? Я сама задаюсь этим вопросом вот уже девять лет... И мне кажется, только вместе мы сможем разгадать эту тайну.

Все слушали меня внимательно. Но почти все удивлялись: почему меня до сих пор не выгнали, ведь верно подумать, что я либо пьяна, либо дурна. Но речь четкая, а личность интригующая... Поэтому терпели и выжидали.

— Начну с благодарности лорду Норту, — я повернулась к нему, выдерживая взгляд. — Именно на балу в честь его дня рождения встретились Милли Сьюзер и Джордж Брустер. Лорд, вы ведь помните их?

Лорд хмурился, но будто догадывался, что за спектакль он смотрит.

— Они были прекрасной парой, не правда ли? — я обвела взглядом зал. — И не только лорд помнит эту семью. Вы все их знаете. Многие из вас до сих пор по ним скучают... Разве не так, дамы и господа? Я уверена, что так.

Я сделала паузу, вглядываясь в лица. Кто-то вздохнул, кто-то погрузился в воспоминания. Один гость даже одобрительно кивнул мне.

— Печально, что эту скорбь невозможно выразить ни одному родственнику семьи графа, род угас. Хотя его могла бы продолжить дочь — Дамана. Но ее с нами нет... По крайней мере, так кажется на первый взгляд. Но у меня есть дар — оживлять прошлое. Могу рассказывать о нем так, будто это было вчера! Что бы я сказала, если была Даманой?.. Здесь столько людей, что не знаю, с кого начать... Пожалуй, первым будет отец Флетчер. Вон он, на втором этаже. Благородный человек... Дамы и господа, напомним: я — якобы Дамана Брустер.

Взоры гостей невольно обратились к отцу Флетчеру. Его знали почти все, и многие помнили, что он был моим крестным отцом. Авторитет его был непререкаем, почти епископский: слово отца Флетчера имело вес в любом обществе. Я сделала паузу и продолжила, обращаясь прямо к нему:

— Отец Флетчер, крестный. Спасибо вам за все! И простите мне мой нрав. Я знаю, он иногда вас пугает, иногда вы не понимаете моих поступков, слов... Но не будем говорить о настоящем — вспомним прошлое.

Я начала спускаться со сцены и ходить по залу. Вокруг меня образовался круг, все держалось от меня подальше, косо поглядывали. Но не могу сказать, что во взглядах читалось недовольство или злость. Я старалась говорить живо, не монотонно, громко и интригующе:

— Во время крещения, когда мне было пять лет, я укусила крестного, отца Флетчера, за палец. Так сильно, что шрам от укуса остался до сих пор. Помню, как сейчас: тогда я совершенно не хотела креститься, мне это не понравилось. Все гости были удивлены. Гостей, кстати, было мало, самые близкие люди, в том числе король, королева и ваш сын Стефан, которого крестили раньше, чем меня.

Я посмотрела на королевскую семью. В их глазах увидела величайшее удивление, почти суеверие.

— Священный обряд прошел тяжело. Даже авторитет отца на меня не действовал... А теперь ответьте мне, кто из вас об этом знал, какая газета об этом писала? Вы помните, отец Флетчер, мое крещение? — мы с аббатом смотрели друг на друга. — Продолжу.

Я сделала паузу, внимательно осмотрела гостей.

— Люси! Вы где? Люси Саспенс, покажитесь, я видела вас сегодня.

Девушка стояла справа от меня, едва сдерживая дрожь. Я подошла ближе — да, это была она. В чертах ее лица еще угадывалась та девочка, которую я помнила.

— Ах, Люси, вы ведь помните, как мы с вами однажды играли в куклы? Напрасно мы ими поменялись, все закончилось трагедией. Я кружилась и случайно разбила голову вашей кукле. Ее фарфоровая голова разлетелась на осколки. Мы с вами рассорились до драки, — я широко улыбнулась, вспоминая ту драму. — Наши родители были в ужасе!

Тут Люси чуть не рассмеялась сквозь слезы. Она смотрела на меня с нежностью и радостью, от страха не осталось и следа.

— В итоге наказали нас обоих: меня — за то, что извинялась сквозь зубы, а вас — за гордость, из-за которой вы не приняли моих слов.

Люси, подтверждая мои слова, кивала и улыбалась воспоминаниям.

— После этого мы с вами более не виделись. Спустя столько лет, на этот раз уже искренне, я прошу у вас прощения!

Я не сомневаюсь: Люси меня узнала, поняла, что я действительно Дамана. Мы широко улыбнулись, рассматривая друг друга.

— Такой же случай, когда я по нелепости стала причиной раздора, произошел с Эммой Ферт. Леди Ферт, вы тоже здесь, я вас видела. Ах, вот вы где!

Я точно знала, где искать Эмму: в компании, которую развлекал Карл. Я подошла к ним и приветливо улыбнулась. Эмма безразлично смотрела на меня. Карл внимательно следил за каждым моим действием. Тем временем отец Флетчер неторопливо спускался по лестнице, приближаясь к центру зала — его взгляд был сосредоточен, словно он готовился к чему-то важному.

— Я прекрасно помню, леди Ферт, ваш талант: вы вяжете потрясающей красоты вещи. Однажды вы пришли к нам домой и в летнем саду показывали связанный вами шарф, синий с золотой нитью. Он был связан сеткой.

Эмма на мгновение замерла, брови ее напряженно сдвинулись — она пыталась вспомнить.

— Мама взяла его в руки, рассматривала. А я неудачно пошутила, спросила: «Мама, ты что, с рыбалки?» — В этот момент где-то раздался смешок. — Она растерялась, была готова сквозь землю провалиться.

Взгляд леди Ферт говорил, что она все помнит, но ей страшно вообразить, откуда я это знаю.

— Но, слава Богу, у вас прекрасное чувство юмора. Вы рассмеялись. Мама извинилась, позже этот шарф она часто надевала в холодную погоду. И вы меня простите, леди Ферт, я была мала и говорила глупости без злого умысла.

Я посмотрела в глаза Эммы, чтобы она меня внимательнее рассмотрела и узнала. Она была напугана.

Я вернулась в центр зала и увидела вдову мистера Кука, чья могила находится на кладбище, где похоронена мама.

— Примите мои соболезнования. Мистер Кук был прекрасным человеком, его смерть — это большая утрата! Но его волшебный голос до сих пор звучит в моей голове.

Вдова подняла на меня глаза — и вдруг побледнела. Ее рука невольно метнулась к губам, словно она пыталась сдержать крик. В глазах застыл неподдельный ужас — совсем как у отца Флетчера в нашу первую встречу.

— К слову о музыке. Позвольте рассказать, как я училась играть на фортепиано. Мой учитель был выдающимся педагогом, и у него же занимался его высочество Стефан.

Неподалеку от меня стоял принц. Он держался прямо, но был напуган, как и многие из гостей. Когда я произнесла имя Стефана, его глаза широко открылись, принц был поражен.

— Сейчас я к вам и приблизиться боюсь. А тогда... помните? Мы соревновались, кто быстрее выучит новую композицию. И однажды вы уступили мне — пришлось играть в мозаику вместо того, чтобы стрелять из лука. Вы тогда страшно обиделись... но к вечеру все равно признались мне в любви. Какое это было чудесное, беззаботное время!

Принц был в ужасе. Конечно, он помнил и про мозаику, и про признание в любви. Об одном я подумала поздно: что на такую откровенность мне позже скажет Карл? Он меня бросил, побоявшись, что я графиня. А теперь выясняется, что принц признавался мне в любви. Я понадеялась, что наши детские игры Карл не воспримет всерьез.

Принц растерянно посмотрел на короля и кивнул, подтверждая мой рассказ. Я же времени не теряла:

— Я помню и вас, королева. Как-то вы с моей мамой делились секретом приготовления ягодного пирога. Вы так секретничали, словно готовили заговор, а не простой десерт. Рецепта я не знаю, мама мне обещала рассказать его, когда я подрасту. К сожалению, такого уже не случится...

Королева по-доброму на меня смотрела. Но меня больше интересовала другая персона: герцог Блек. Он по-прежнему стоял на балконе, но уже с другой стороны. Он единственный из всех присутствующих смотрел на меня по-другому, жестко. Безусловно, Блек был так же поражен, но он напомнил мне кошку, которая готовится к неожиданному прыжку. Словно показывал, что способен к защите и что не в моих интересах вставать у него на пути.

— Герцог Роберт Блек. Великий Блек и оппонент моего отца. Политические завоевания одного из вас злили второго. Мой отец — человек невероятной выдержки, но только вы заставляли его терять терпение. Кстати, количественно у графа Брустер побед больше... Вижу, милорд, вас это задевает. Но для меня это повод для гордости, не обижайтесь, Ваша светлость! А помните тот скандал в моем доме? Мне тогда стало известно, что тайна моей семьи для вас не тайна. Вы видели меня тогда на лестнице, я подслушивала.

Я собиралась с духом, чтобы позволить себе дальнейшую дерзость — обратиться к королю. Как бы после этого не оказаться в темнице... Но моя цель превыше всего, даже бесценной свободы. Я коротко сказала Эгберту:

— Я помню и Вас, Ваше Величество. Вы часто заходили к нам домой и играли в карты в кабинете отца, как это повелось между вами с юности.

Король молчал.

— Итак, кто же я такая? Знаю, каждый ответил на этот вопрос. Но ответ вас так пугает, что не можете допустить его в свое сознание. Вы задаете себе тысячи вопросов. В голове не укладывается... И я готова лишить вас терзаний. Леди и джентльмены, позвольте представиться. Мое имя — Дамана Брустер!

В зале поднялись голоса, все говорили одновременно. Я стояла в центре огромной суеты, смотрела на нее свысока.

Дорогой читатель... И тут во мне опять появилась невероятная сила. Я почувствовала себя настолько властной, будто выше меня здесь нет человека и против моего слова никому не пойти. Одновременно с этим на меня накатил приступ злобы, во мне что-то закипело, я хотела рвать и метать.

Король встал на ноги. Его движения были величественные, но агрессивные и бескомпромиссны по отношению ко мне:

— Самозванка! Кто тебя сюда пустил?!

Я обернулась, сделала несколько уверенных шагов, остановилась в десятках метров от короля и громко переспросила:

— Самозванка?! Раньше вы говорили, что дети Джорджа — и ваши дети!

— Достаточно! — так же жестко обрубил меня король. — Ты лжешь!

— Нет, Ваше Величество... — настаивала я. — Я никогда не забуду день смерти отца. В доме были вы, мама, крестный и несколько друзей папы. Вы помните, он попросил оставить меня с ним наедине? Мы говорили в последний раз. Потом отец прокричал мамино имя. Почувствовал, что смерть пришла к нему. Попросил, чтобы вы меня вывели. Это сделали вы, Ваше Величество! Я вырывалась, кричала, плакала, умоляла, чтобы меня оставили с отцом, но вы не пускали меня... Вам было невыносимо больно держать дочь умирающего друга!

— Хватит... — уже менее уверенно произнес король и медленно опустился на стул. Его лицо побледнело, он выглядел потрясенным.

— Ваше Величество... — не отступала я. — В мой последний разговор с отцом он сказал мне: «Верь тем, кому верю я». Я знала, что вы наверняка были среди этих людей...

— Не может быть... Твоих слов недостаточно...

Король уже почти придумывал подтверждение тому, что я не могу быть дочерью его друга. Он сидел на стуле, отвернувшись от меня, положив ладонь на лоб, будто у него болит голова.

— Ваше Величество, — вмешался отец Флетчер. — Теперь и я могу покаяться... Эта девушка действительно дочь графа.

— Аббат Флетчер? — не веря своим ушам, спросил король. — Что все это значит? Она пришла с вами? Кто эта сумасшедшая?

— Она в здравом уме, — спокойно ответил отец Флетчер. — Это Дамана Брустер, дочь графа Джорджа Брустера.

— Но Дамана умерла! — вскричал король. — Я был на похоронах, — тихо добавил он. — Дочь графа мертва, она похоронена рядом с матерью!

— Могила пуста. В ней никого нет.

Зал снова наполнился гулом голосов, гости обменивались недоуменными взглядами. Отцу Флетчеру верили больше, чем мне. Но мысль о пустом гробе, благословленном самим аббатом... Это казалось кощунственным. На этом балу вальсировали не только леди и джентльмены, но и правда с грехом.

— Джордж умер. Милли и Дамана переехали в город. Они исчезли из виду, но не для меня. Последним желанием графа было, чтобы я помогал Милли и его дочери. Я обещал. Я исполнил обещание.

— Господи Боже... — выдохнул кто-то в толпе.

— Дамана осталась жить у меня, — продолжал отец Флетчер. — Она пришла ко мне в день смерти Милли и рассказала о трагедии. Графиня была похоронена, а следом — и призрак Даманы... Вот в чем правда, Ваше Величество.

Конечно, это была неправда. Мы с отцом Флетчером продумали заранее, что утаить. Крестный посчитал, что только ложь спасет меня от суровой кары за подозрение в убийстве охранника детского приюта. Меня смущало, что из-за меня святому отцу придется лгать, но крестный непреклонно настаивал, что обещал отцу и маме заботиться обо мне.

На мгновение в зале повисла тяжелая тишина. Все ждали, затаив дыхание.

— Я не могу в это поверить... — король глубоко вздохнул, словно пытаясь собраться с мыслями. — Если вы, отец Флетчер, утверждаете, что могила пуста, мы должны вскрыть ее и установить истину. Это будет не грехом.

— Нет... если Дамана не против.

— Не против. Если это не затронет могилу матери.

Похоже, король разочаровался, что не сумел меня разоблачить, что я спокойно согласилась на его просьбу.

— Завтра в полдень! — он вновь возвысил голос. — Я лично прибуду!

— Это поможет вам поверить? — спросила я.

— Возможно. А сейчас — пошли вон! И не дай Бог, вы солгали!

— Ваше Величество, — я склонилась в почтительном реверансе. — Лорд Норт, простите. Я исправлю недоразумение, которое бросило смутную тень на ваш праздник.

Напоследок я мило улыбнулась герцогу Блеку, который не сводил с меня глаз. Как обычно, стоит с каменным лицом. Потом я перевела взгляд на короля и улыбнулась. Он свысока посмотрел на меня. Я развернулась и последовала за отцом Флетчером и Карлом, чувствуя на себе сотни взглядов.

Уже возле выхода меня нагнал Стефан:

— Постой...

Принц подошел ко мне настолько близко, насколько я себе не позволила это несколько минут назад. Стефана чуть ли не трясло, он смотрел на меня, приоткрыв рот от удивления. Мне показалось, что он сейчас меня обнимет. Конечно же, он так не поступит. Не из-за стеснения или страха потерять свое лицо. Я же девять лет была мертва для него.

— Дамана... — прошептал принц.

— Ваше Высочество, — ответила я, склоняя голову.

— Дамана... — как умалишенный, повторил Стефан.

— Мне надо идти, но мы с вами скоро увидимся.

Я улыбнулась и игриво подмигнула принцу. В детстве я часто подмигивала Стефану. Правда, для него осталось секретом, что я делала это в шутку, не придавая этому никакого значения, просто в шутку. Уэйн узнал меня по улыбке — вдруг получится и с принцем?

— Ангелы небесные... — прошептал Стефан, не отрывая от меня взгляда. В его глазах читалось что-то большее, чем удивление, — будто он заново открывал для себя человека, которого считал потерянным навсегда.

Неподалеку от нас толпились особо любопытные гости. Они хотели посмотреть, как мы уходим. До меня долетали голоса:

— Как она похожа на отца...

— Не может быть...

Я в последний раз посмотрела на дворец и на людей, которые вышли на улицу. Помахала им рукой; те замерли, словно пытаюсь исчезнуть, боясь воскресшей дочери графа. От этого я улыбнулась, ощущая в себе прилив власти и почему-то жестокости. Карл помог мне подняться в карету, и та плавно тронулась с места, унося нас прочь.

— Вроде все прошло неплохо, — нарушил молчание Карл, когда карета покатила к храму Рождества Марии — сначала нужно было отвезти крестного.

— Могло быть и лучше, — тихо ответила я, глядя в окно.

— Нет, Дамана, — мягко возразил отец Флетчер. — Я ожидал худшего. Ты держалась достойно и, как и обещала, не подвела меня.

— Еще как подвела, — возразила я, чувствуя вину. — Король выгнал вас с бала — это так бестактно! Я не хочу, чтобы из-за меня пострадали ваше доброе имя и репутация.

— Не тревожься, — успокоил меня крестный. — Мой авторитет будет восстановлен завтра, когда они вскроют пустой гроб. Но и это не главное! Ты, Дамана, завтра получишь все, что хотела. Приезжайте к одиннадцати утра, пораньше, подготовимся.

Мы с Карлом кивнули.

Приехав домой, мы поднялись ко мне. Лежа в кровати, часа два разговаривали о том, что происходило на балу.

По правде сказать, я ожидала другого приема. Я думала, что после речи никто не усомнится в моей подлинности. Но, к сожалению, надежды не оправдались: меня приняли достаточно холодно. Заинтересованность, любопытство — этого мало, я рассчитывала на радость. Хотя... Глупая и наивная надежда. Все равно что ожидать открытых ворот в приюте при побеге. Но на одно я действительно надеюсь: что Бог не сочтет ложь отца Флетчера грехом. Ведь мой крестный врал во спасение. Мое спасение. Будет обидно, если мое спасение не стоило того...

Карл, конечно же, спросил, почему я не рассказывала, что Стефан был в меня влюблен. Я ответила, что прошло много времени, к тому же я не придавала этому никакого значения. Ведь мы были так малы! Моего кавалера такой ответ успокоил, и он перестал мучиться сомнениями. Когда Карл уснул, я подумала о том, что бы случилось, если бы я действительно вышла замуж за принца... Меня чуть не вывернуло, когда я представила брачную ночь со Стефаном. Не знаю почему, ведь к принцу я относилась хорошо, он не был мне противен.

С этой поры я вступила в светскую жизнь. С этой поры я стала той, кем должна быть. Но, право, не знаю до сих пор, хорошо это или плохо. С одной стороны, я пошла по пути, который, как считалось, был мне предназначен — его проложили мои предки. Видимо, и мама, после смерти отца, своими поступками показала мне дорогу, которая огибает препятствия. Но с другой стороны, мое окружение, встреченное на окольной дороге, — люди из другого теста. Я, сама того не ожидая, смогла их изменить. Правильно ли это? Может, им стоило остаться теми, кем они были? Вправе ли я была так менять людей, пусть не со зла, вообще без всякого замысла? А со временем они изменились сильно! Начиная от внешних данных: смена причесок, стиля одежды и заканчивая социальным положением: многие мои бывшие соседи переехали в свои собственные дома и квартиры. В финансовом плане стали позволять себе намного больше, чем это было прежде. Просто так получилось. Но с радостью отмечу, что мои друзья и коллеги не стали хуже. И все равно... У меня откуда-то появляются сомнения, что не могла я так менять жизнь у такого количества людей. Странная и глупая мысль...

И главное, нужно ли мне было становиться графиней — или этого хотели мои родители? А я так стремилась к своему предназначению, чтобы не опуститься в их глазах, которые, наверняка, смотрели на меня с небес... Но я выполнила свою — или родительскую? — волю. В ответ получила трудности, с которыми бы не столкнулась, останься я в общеситии на попечении миссис Норрис и продолжай учить соседских детей.

Задай мне, дорогой читатель, вопрос: жалею ли я об этом? Я отвечу: нет, ни в коей мере не жалею, что моя жизнь сложилась именно так. И даже если бы у меня появилась возможность переписать прошлое, я бы не стала этого делать. Не вычеркнула бы даже ту ссору с Карлом из-за Салли. Это, безусловно, черная полоса. Но без страха, неуверенности и страсти наша жизнь не так остра, значит, не так интересна. Бесспорно, украсить жизнь можно не только страхом и страстью. Есть еще очень много интересного. И именно из-за разнообразия человеческих чувств нам, людям, жизнь и нравится. Как говорится, жизнь — интересная штука! А интересной ее делает такое неповторимое существо как человек. Оно, поистине, не перестает меня удивлять. Каждый человек неповторим — со своими интересами, взглядами, переживаниями, особым мироощущением. Эта богатая палитра человеческих характеров, где переплетаются добро и зло, свет и тень, пробуждает во мне жажду жизни.

И все же человек — самое разумное существо на планете, наделенное невероятными возможностями — не всегда задумывается о красоте мира и глубоком смысле бытия. Кто-то предпочитает погрузиться в уныние, иные — вовсе опускают руки. Но когда приходит осознание, бывает уже поздно сожалеть.

Грустить — естественно, это часть нашего опыта. Однако долго задерживаться в печали опасно: так можно упустить самое ценное, что приготовила жизнь.

Многое постигаешь лишь с годами, а второй шанс судьба дарит не каждому.

8 декабря 1774 года. Пятница

Я кое-как смогла забыть на пару часов. Карл сегодня не работал, и все равно мы с трудом проснулись в восемь утра. Завтракали у миссис Норрис. Нам показалось странным, что она так лукаво улыбается. В конце концов, мы спросили, в чем дело.

— Газеты вышли со статьями о возвращении Даманы Брустер, — ответила хозяйка.

Мы с Карлом переглянулись. Потом миссис Норрис все с той же улыбкой принесла с кухни стопку газет. Одна из статей выделялась заголовком: «Дамана Брустер: самозванка или нет?». В ней подробно описывалось наше вчерашнее появление и моя пламенная речь. Журналисты опросили многих, чтобы выяснить их мнения. Одни верили мне, другие списывали все на колдовство — увы, в нашем «просвещенном» обществе еще хватало фанатиков. Третьи же твердо решили, что я жажду славы. Выдвинули теорию: дескать, я дочь кого-то из слуг, оттого и знаю столько подробностей. Что ж... У этой версии имелось право на существование — история знала подобные случаи. Вторая и третья статья просто скупое сообщали: Дамана Брустер воскресла.

Я читала и не знала, радоваться мне или пугаться. Но миссис Норрис явно была в восторге:

— Я еле удерживалась, чтобы всем не рассказать, что леди Брустер живет у нас на третьем этаже!

— А что, сюда кто-то приходил? — спросил Карл.

— Да нет же! Я про наших жителей...

— Они тоже читали газеты?

— Да! Причем все!

— И что говорят? — насторожившись, спросила я.

— Говорят, если это правда, то произошло чудо! Все будут рады, когда слухи подтвердятся. К слову о слухах: тут написано, что король решил вскрыть твой гроб. Верно?

— Да, но он не совсем мой. Его Величество считает это нужным доказательством. Сегодня в полдень.

— Да, я знаю! Как и все!

— Откуда?

— Вот это самое интересное...

Миссис Норрис протянула нам четвертую газету. Я стала читать вслух. Статья ссылалась на слова «достоверного источника» — кавычки добавляли интриги. Также были описаны события вчерашнего вечера, но более достоверно и с упоминанием, что аббат Флетчер подтвердил мое происхождение. Было упоминание о молодом человеке, который сопровождал меня. Я улыбнулась Карлу и была уверена, что это не последняя статья о мистере Норрисе. Здесь же было написано, что Король потребовал вскрыть гроб, и эксгумация состоится сегодня в полдень на кладбище храма Рождества Пресвятой Девы Марии. Это единственная газета, которая написала, что подтверждение моей подлинности станет огромной радостью.

Достаточно правдивый материал. Но куда интереснее узнать, что это за «достоверный источник»?..

В половине десятого мы с Карлом наняли кеб и направились к церкви. Приближаясь, заметили у входа толпу — человек семьдесят любопытных зевак, самых разных людей. Страшно было представить, что творилось на кладбище: наверняка здесь собралась лишь часть толпы.

Мы с Карлом онемели от изумления. Переглянулись, затем снова посмотрели на церковь и толпу.

— Что делают все эти люди у церкви? — спросила я.

— Я так понимаю, — Карл покосился на кебмена, — тот мог слышать наш разговор, — и понизил голос до шепота, — ждут твоего появления... К тому же посмотри, — он указал на людей у дороги, — это журналисты.

По моей спине пробежали мурашки.

— И как нам пройти незамеченными? — спросила я.

— Смешаемся с толпой.

Мы вышли из кеба.

— Только старайся не смотреть никому в глаза, но води себя естественно.

Я кивнула, Карл расплатился, и мы начали быстро приближаться к толпе. Мое сердце застучало чаще. Люди с широко раскрытыми глазами оживленно разговаривали, рассуждали. Мы с Карлом протискивались между ними к церкви. Я слышала голоса, которые произносили мое имя и имена моих родителей. Журналисты ждали воскресшую из мертвых Даману, как соколы — грызуна. Но так или иначе грызун, то есть я, смог проскользнуть незамеченным.

Мы прошли в церковь. Я заметила крестного: он стоял у исповедальни, беседуя с прихожанами. Отец Флетчер увидел нас — как и все в церкви, не менее двух дюжин человек — и жестом пригласил пройти в комнату за алтарем. Зеваки стали подступать ближе. Взгляды людей были прикованы ко мне. Я остолбенела от такого одержимого внимания.

— Дамана Брустер! — кричали люди. — Дамана!

Карл крепко прижал меня к себе, не давая подойти зевакам. А люди все набивались и набивались в церковь, привлеченные шумом. Давка становилась все сильнее. Но спасительная дверь открылась, и Карл протолкнул меня вперед. Следом за мной прошли святой отец и Карл, который тут же захлопнул дверь.

— Что за одержимость? — спросила я, разведя руками.

— Я не знаю, — ответил крестный. — Люди как будто не в себе.

— Но они не злы, — добавил Карл. — Но пугают. Их шепот — как будто загробный...

— Что тут происходит? — через дверь, ведущую в коридор к кладбищу, вошел Уэйн.

Мы ничего не ответили, я только развела руками.

— Прошел слух, что ты приехала. На кладбище тоже начинается суматоха...

— Что же случится, когда вскроют гроб? — риторически спросил Карл.

— Превратили божий храм в таверну, — ворчал Уэйн.

Карл нежно посмотрел на меня, убедился, что все хорошо, и кротко поцеловал. Мы смотрели друг на друга влюбленными глазами. Карл бережно сжимал мои ладони. Отец Флетчер сел на стул и произнес фразу, которая вогнала нас в краску:

— А вам не кажется, что пора пожениться?

Мы посмотрели на святого отца. Я оробела, Карл же ответил твердо:

— Непременно. Я хочу этого всем сердцем. Дамана уже дала предварительное согласие.

— Предварительное? — в голосе аббата было неодобрение.

— Прежде мне необходимо избавиться от родовых тягостей.

Мой ответ не удостоился ни похвалы, ни критики. Конечно, у отца Флетчера было свое взрослое, мудрое мнение.

Ближе к полудню дверь в комнату открылась со стороны алтаря. Вошли король, принц и три гвардейца. Увидев их, мы встали, приветствуя его величество.

Король Эгберт выглядел то ли раздосадованным, то ли взволнованным. Когда он увидел меня, его лицо стало еще более неприветливым. Принц Стефан, напротив, явно радовался. Я наклонила голову, приветствуя его. Тот улыбнулся, но сдержанно. В воздухе повисла неловкость.

— Ваше Величество, мы не ожидали вашего визита... — начал было крестный, но король резко перебил его:

— Чтобы разоблачить эту самозванку, я вынужден продираться сквозь толпу этих нелепых людей, явившихся сюда невесть зачем!

— Ваше Величество, — осторожно сказал принц. — Мы же в храме...

— Я просто хотел сказать, — продолжил крестный, как всегда, невозмутимо, — что мы вам очень рады.

— Простите, аббат Флетчер, — извинился король. — Просто уже невыносимо выслушивать невежественные мысли людей, которые меня окружают.

Он оскорбил меня. Но я не возражала. Не потому, что боялась гнева монарха: я знала, что мое терпение будет вознаграждено!

— Господа, — учтиво сказала я. — Жду вас на улице.

Я оделась и вышла. Уэйн с Карлом проводили меня. Последнее, что я услышала из комнаты, — слова короля:

— Отец Флетчер, как вы такое допустили?

Его величество сказал это вежливо и спокойно, без всяких намеков на злость.

Мы втроем выходили на улицу из коридора. Уэйн сказал:

— Вчера ночью к могиле приставили охрану...

— Зачем?

— Видимо, чтобы мы, так сказать, заговорщики, не раскопали ее, чтобы достать скелет...

Уэйн пожал плечами и улыбнулся в знак бессмысленности такого поступка короля.

— Что ж, — иронизировала я. — Какое-никакое, а внимание.

Мы посмеялись, потом смех прервался... Поразительное зрелище! На кладбище было не протолкнуться — столько собралось народу. На мое «воскрешение» пришло куда больше людей, чем когда-то на похороны.

Мы решили постоять в стороне до поры до времени. Мы молчали. Я рассматривала людей, среди которых увидела знакомых. Пришла даже миссис Кук в сопровождении нескольких людей. Они, встревоженные, топтались возле могилы ее мужа. Интересная смесь чувств: кто-то нервничал, кто-то радовался, кто-то будто по ошибке сюда попал или просто явился смеха ради.

Но самый приятный гость для меня — безусловно, Роберт Блек... Он был один.

— Королева мрака, — усмехнулся Карл, заметив Блека, — и покровительница расхитителей могил нашла свою жертву?

Молодых людей позабавила эта шутка. Я тоже пошутила:

— Ну, раз гроб пуст, чего добру пропадать.

Карл и Уэйн бросили на меня укоризненные взгляды. Моя шутка прозвучала куда более серьезно.

Наконец появились крестный, король, принц и их свита. Приближаясь к нам, Эгберт смотрел на меня. Я гордо выпрямилась и ответила ему прямым взглядом. Король невольно опустил глаза.

— Пройдемте вместе со мной, вы все, — сказал он Карлу и Уэйну.

Мне показалось, что голос короля дрожал, но точно не от холода.

— Отец Флетчер, землю подготовили?

— Да, Ваше Величество. На ней несколько часов жгли костер.

Я не сдержала горького смешка. «Сожжем ведьму», — мелькнуло у меня в голове.

Люди расступились перед королевской свитой. Мы шли к могиле. Опять раздались голоса: «Это она? Это Дамана?» Одна из женщин в толпе выкрикнула:

— С возвращением, Дамана! Я всегда знала, что вы живы! Я служила у вас гувернанткой — помните меня?

Я жадно искала взглядом эту женщину, но не могла задерживаться. В толпе начались колебания. Люди протискивались ближе, чтобы меня разглядеть.

Возле могилы я, Карл и Уэйн отошли налево, чтобы не мешать. Король, принц и крестный приблизились к могиле.

Король подошел к статуе мамы, перекрестился и сказал ей:

— Прости меня, Милли! Возможно, я решительно ошибаюсь, но я запутался, я должен знать! Прости меня, умоляю, прости!

Неожиданно трогательно. Один из стражников подал ему пышный букет цветов. Король замер на мгновение у маминой могилы, затем бережно возложил цветы.

Он перекрестился еще три раза и поклонился статуе. За такой жест и такие слова я сразу же простила короля. Потом его величество провозгласил:

— Начинаем!

Двое людей, которые пришли с его величеством, начали раскапывать могилу. Спустя минут пятнадцать один из них сообщил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.